

ISSN 2522-1787

Новые горизонты русистики



2024

№ 3 (25)

Редакционная коллегия:

Ответственный редактор — д-р филол. наук, проф. **В. И. Теркулов**.

Ответственный секретарь — канд. филол. наук **Н. В. Гладкая**.

Технические редакторы — канд. филол. наук **В. А. Рязанова, А. С. Бурляй**.

Члены редколлегии: д-р пед. наук, проф. **Е. В. Архипова** (Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина); канд. филол. наук, доц. **А. Н. Безруков** (Бирский филиал Уфимского университета науки и технологий); канд. филол. наук, доц. **М. Г. Евсева** (Донецкий государственный университет); д-р пед. наук, доц. **Е. Л. Ерохина** (Московский педагогический государственный университет); д-р филол. наук **А. И. Иваницкий** (Российский государственный гуманитарный университет); д-р филол. наук, проф. **А. А. Кораблёв** (Донецкий государственный университет); канд. филол. наук, доц. **Н. П. Курмакаева** (Донецкий государственный университет); д-р филол. наук, доц. **М. Ч. Ларионова** (Южный научный центр РАН); канд. филол. наук, доц. **В. И. Мозговой** (Донецкий государственный университет); д-р филол. наук, доц. **О. С. Октябрьская** (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова); канд. филол. наук **М. Н. Панчехина** (Донецкий государственный университет); д-р филол. наук, проф. **М. Ю. Сидорова** (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова); д-р филол. наук, проф. **Г. Г. Слышкин** (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации); канд. филол. наук, доц. **А. Н. Стебунова** (Донецкий государственный университет); д-р пед. наук, проф. **И. А. Сотова** (Ивановский государственный университет); д-р филол. наук, проф. **В. И. Супрун** (Волгоградский государственный социально-гуманитарный университет); д-р пед. наук, доц. **А. А. Штец** (Институт развития образования, г. Севастополь); д-р филол. наук, проф. **М. Ф. Шацкая** (Волгоградский государственный социально-гуманитарный университет); канд. филол. наук, доц. **Н. А. Ярошенко** (Донецкий государственный университет).

Editorial Board:

Editor-in-Chief — Doctor of Philology, Prof. **V. I. Terkulov**.

Executive Secretary — Candidate of Philology **N. V. Gladkaya**.

Technical editors — Candidate of Philology **V. A. Ryazanova, A. S. Burlyai**.

Members of the Editorial Board: Doctor of Pedagogical Sciences, prof. **E. V. Arkhipova** (Ryazan State University named after S. A. Yesenin); Candidate of Philology, Associate Professor **A. N. Bezrukov** (Birsky branch of Ufa University of Science and Technology); Candidate of Philology, Associate Professor **M. G. Evseeva** (Donetsk State University); Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor **E. L. Erokhina** (Moscow Pedagogical State University); Doctor of Philology **A. I. Ivanitsky** (Russian State University for the Humanities); Doctor of Philology, Professor **A. A. Korablev** (Donetsk State University); Candidate of Philology, Associate Professor. **N. P. Kurmakaeva** (Donetsk State University); Doctor of Philology, Associate Professor **M. Ch. Larionova** (Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences); Candidate of Philology, Associate Professor **V. I. Mozgovoy** (Donetsk State University); Doctor of Philology, Associate Professor **O. S. Oktyabrskaya** (Moscow State University named after M. V. Lomonosov); Candidate of Philology **M. N. Panchekhina** (Donetsk State University); Doctor of Philology, Prof. **G. G. Slyshkin** (Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation); Candidate of Philology, Associate Professor **A. N. Stebunova** (Donetsk State University); Doctor of Pedagogical Sciences, Professor **I. A. Sotova** (Ivanovo State University); Doctor of Philology, Professor **V. I. Suprun** (Volgograd State University of Social Sciences and Humanities); Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor **A. A. Shtets** (Institute of Educational Development, Sevastopol); Doctor of Philology, Professor **M. F. Shatskaya** (Volgograd State University of Social Sciences and Humanities); Candidate of Philology, Associate Professor **N. A. Yaroshenko** (Donetsk State University).

Научный журнал «Новые горизонты русистики» включён в базу РИНЦ (лицензионный договор № 308-07/2018).

Издание зарегистрировано Министерством информации Донецкой Народной Республики (свидетельство о регистрации средства массовой информации: серия ААА № 000148 от 20.06.2017 г.).

Адрес редакции: Донецкий государственный университет, ул. Университетская, 24, 283001, г. Донецк.

Тел.: +7 856 302-92-33.

E-mail: donrus452@yandex.ru, terkulov@rambler.ru, Nata.gladkaya25@yandex.ru

Печатается по решению Учёного совета Донецкого государственного университета. Протокол № 9 от 28.06.2024 г.

© Донецкий государственный университет, 2024

Новые горизонты русистики

Научный журнал
Основан в 2017 году

№ 3 (25)
2024

С о д е р ж а н и е

Лексикология и стилистика

- Тохтарова В. И.** Неологизмы в современном публицистическом дискурсе 4
- Шишко С. А.** Лексико-семантическое поле акциональных глаголов в донецкой речи 9

Дискурсология и генристика

- Гуань Ш.** Когнитивное моделирование в современном лингвистическом исследовании 15
- Захарченко Н. В.** Выражение конфликтных отношений глаголами общественно-политической деятельности в современном русском языке 19
- Свентицкий А. Ю.** Образ джинна в рекламных материалах 25

Методика преподавания русского языка

- Бондарь Е. А.** Игровые технологии на уроках русского языка в начальной школе 29
- У Цюаньмин** Преподавание китайским студентам-филологам русских фразеологизмов с названиями животных 35

Литература и лингвистический анализ художественного текста

- Гылка А. А.** Актуализация пушкинского наследия: ретеллинги «Руслана и Людмилы» как способ популяризации классики 40
- Калмыкова Д. А.** Лексико-семантическая группа «еда/напитки» как составляющая категории «процесс принятия пищи» в произведениях Н. В. Гоголя 45
- Хомякова Е. С.** Эмотивные смыслы концепта 'сад' в поэтическом идиостиле Б. А. Ахмадулиной 51
- Правила оформления материалов** 57

New Horizons of Russian Studies

Scientific journal
Founded in 2017

№ 3 (25)
2024

C o n t e n t s

Lexicology and Stylistics

- Tokhtarova V. I.** Neologisms in modern journalistic discourse 4
Shishko S. A. Lexico-semantic field of actional verbs in Donetsk speech 9

Discourse and Genristics

- Guan S.** Cognitive modeling in contemporary linguistic research 15
Zakharchenko N. V. Expression of conflict relations by verbs of socio-political activity in modern Russian 19
Sventitsky A. Y. The image of the genie in advertising materials 25

Methods of teaching the Russian language

- Bondar E. A.** Game technologies in Russian language lessons in elementary school 29
Wu Quanming Teaching russian phraseological units with animal names to chinese students of philology 35

Literature and Linguistic analysis of Literary Text

- Gylka A. A.** Actualization of pushkin's heritage: retellings of «Ruslan and Lyudmila» as a way to popularize the classics 40
Kalmykova D. A. Lexico-semantic group "food/drinks" as a component of the "eating process" category in the works of N. V. Gogol 45
Khomyakova E. S. Emotive meanings of the concept of 'garden' in the poetic idiostyle of B. A. Akhmadulina 51
Rues for the design of materials 57

Лексикология и стилистика

УДК 81'373

В. И. Тохтарова © 2024

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Донецкий государственный университет»
(Научн. рук. — канд. филол. наук, доц. А. Н. Стебунова)

НЕОЛОГИЗМЫ В СОВРЕМЕННОМ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В данной статье исследуется использование неологизмов в современном публицистическом дискурсе, их функциональное значение и языковые особенности. Целью исследования является анализ специфики употребления неологизмов, их семантики, словообразования. Автор выделяет основные способы образования неологизмов в публицистическом дискурсе. Авторам удалось провести анализ функционирования неологизмов в СМИ на примере публицистических текстов при сопоставлении двух языков — английского и русского — и выявить специфику их функционирования.

Ключевые слова: неологизмы, заимствования, дискурс, военная тематика, словосложение.

В настоящее время в современной публицистике довольно часто используются неологизмы. **Актуальность** темы исследования определяется тем, что современная лингвистика уделяет большое внимание функционированию новых слов в текстах разного рода на материале одного языка, но остаётся неразработанным такой аспект изучения функционирования нового слова в тексте, как сопоставительный анализ употребления неологизмов в нескольких языках. И. Р. Гальперин определяет неологизмы как «любые новые словарные и фразеологические единицы, появившиеся в языке на данном этапе его развития и обозначающие новые понятия, возникшие в результате развития науки и техники, новых условий жизни, социально-политических изменений и т. д. или выражающие новыми словами, созданными в целях эмоционально-стилистических, уже существующие понятия» [2;77].

Выделим следующие тематические группы неологизмов:

1) **Сленг:** (*ретвитнуть, бэкап, закреп, тиктокер, трэш-блогер, фуд-блогер, челлендж, гейм-зона*);

2) **Военная тематика:** (*чевэкашник, геноцид, дебермудизация, зафургалить, инаугурация, могилизация, мобик, кринжатина, демилитаризация, денацификация, зацепить, лепестки, перемога, лахать, частичная мобилизация; красные линии; пряник; кадыровец, ватник, тероборона, спецоперация*);

3) **Общество:** (*абьюзер, инфоцыгане, ноунэйм, ньюсмейкер, сутолог, тиктокер, трэш-блогер, фуд-блогер, хедлайнер, хикикомори, чевэкашник*);

4) **СМИ:** (*инфодемия, медиафейк, ньюсмейкер, хедлайнер; стендап*);

5) **Спорт:** (*кроссфит, могул, плей-офф, челлендж, шейпинг, ринг-анонсер*);

6) **Экономика:** (*аутлет, вендинг, коворкинг, кэши, лоукостер, молл, онлайн-шопинг, ретейлер, стартап, эндаумент*).

Мы собрали 55 неологизмов в различных публицистических текстах и распределили их следующим образом:

1) **С точки зрения условий создания выделяют общезыковые и индивидуально-стилистические (авторские) неологизмы.** В первом случае можно говорить о языковой необходимости — в условиях отсутствия названия для того или иного предмета или явления язык «сам подталкивает» носителей к разработке новых слов.

К **общезыковым неологизмам** относятся: *ретвитнуть, бэкап, закреп, челлендж, геноцид, демилитаризация* (36).

К **индивидуально-стилистическим неологизмам** относят: *чевэкашник, дебермудизация, зафургалить, кринжатина, лахать* (5).

2) По степени новизны неологизмы могут быть **абсолютными и относительными**.

Абсолютные неологизмы — новые слова, которые никогда прежде не существовали в языке и появились впервые. К **абсолютным неологизмам** можно отнести: *инфоцыгане, трэш-блогер, хикикомори, фуд-блогер, тиктокер, онлайн-шопинг* (23).

Относительные неологизмы — единицы языка, которые прошли переосмысление обществом на данный момент. Вслед за Т. Н. Поповцевой, к относительным неологизмам относим устаревшие слова, которые имеют свой смысл и в наши дни [7;14].

Примеры **относительных неологизмов**: *ноунэйм, ньюсмейкер, суетолог, хедлайнер, аутлет, кэш* (32).

3) По виду языковой единицы неологизмы делятся на **неолексемы, неофраземы и неосемемы**, согласно исследованию Н. З. Котеловой. [3;5].

Неолексемы — это новые слова, являющиеся результатом заимствования либо процессов словообразования. К ним можно отнести: *абьюзер, вендинг, инаугурация, гейм-зона, медиафейк* (23).

Неофраземы — это новые фразеологизмы и устойчивые сочетания слов с формирующейся идиоматичной семантикой, или аналитические сочетания, например, *красные линии, частичная мобилизация* (2).

Неосемемы — это новые значения старых слов и фразеологизмов. К ним можно отнести: *перемога, зацепить, лепестки, пряник, кадыровец, ватник* (12).

4) По способу образования неологизмов выделяют: *заимствование из других языков, словообразовательная деривация и семантическая деривация*.

С точки зрения заимствования их других языков

Заимствование — перемещение слов и отдельных элементов слова из одного языка в другой [4] Наиболее распространенным является заимствование из английского языка: *плей-офф, кроссфит, коворкинг, лоукостер, ретейлер, стартан* (27).

С точки зрения семантики («семантическая деривация»)

«Семантическая деривация — это процесс появления у слова семантически производных значений, созначений, семантических коннотаций, т. е. процесс расширения семантического объема слова, приводящего к появлению семантического синкретизма», а впоследствии и процесс распада семантического синкретизма, который приводит к появлению полисемии» [6; 36]. Например:

1) **Закреп** (1) ‘предмет, служащий для закрепления, скрепления чего-нибудь; (2) **неологизм** ‘пост или сообщение на сайте, помещаемое на видное место’ [1].

2) **Инфодемия** (1) **неологизм** ‘распространение дезинформации с целью создания стрессовой ситуации посредством слухов, фейков, утрирования ситуации или её отрицания’; (2) **неологизм** ‘избыточный объём информации о коронавирусе, вытесняющий из поля зрения иные политически и социально острые проблемы’ [1].

3) **Ноунэйм** (1) **неологизм** ‘товар, не имеющий торговой марки’; (2) **неологизм** ‘кто-либо или что-либо малоизвестное, без громкого имени’ [1].

4) **Ньюсмейкер** (1) **неологизм** ‘человек, деятельность которого предполагает публичность и вызывает устойчивый интерес средств массовой информации’; (2) ‘журналист, создающий новостные программы’ [1]

5) **Суетолог** (1) ‘водитель, которому свойственен агрессивный, экстремальный стиль вождения’; (2) **неологизм** ‘человек, который много суетится’ [1].

6) **Хедлайнер** (1) ‘наиболее привлекающий внимание публики участник представления, концерта, фестиваля, имя которого стоит в заголовке афиши,

выступающий, как правило, в конце; (2) **неологизм** ‘специалист по заголовкам; автор заголовков в прессе’ [1].

7) **Челлендж** (1) **неологизм** ‘вызов; трудная проблема, для решения которой требуются большие усилия, смелость’; (2) **неологизм** ‘трудное действие, для выполнения которого требуются большие усилия, смелость; тж. акция, участники которой выполняют такое действие, приглашают других повторить его’; (3) ‘оспаривание решения судьи в спорте’ [1].

8) **Геймзона** (1) ‘компания и сайт, основанные Джефом и Кэти Коннорс из Ливонии в 1944 году’; (2) **неологизм** площадка, на которой установлены игровые автоматы’. 3) ‘место, куда можно отвести детей, чтобы те прекрасно провели время’ [1]

9) **Кринжатина** (1) **неологизм** ‘чувство стыда за чьи-либо действия’; (2) **неологизм** ‘то, что вызывает это чувство’ [1].

10) **Лепестки** (1) ‘отдельный листок цветка’; (2) ‘рабочая часть метательной пластины в виде заточенного шипа’; (3) ‘зона вторичного максимума изучения направленной антенны’; (4) **неологизм** ‘противопехотная фугасная мина ПФМ-1’ [1].

11) **Перемога** (1) пер с укр. языка «победа» ; (2) **неологизм** иронич. «победа», доставшаяся большими потерями властей Украины’ [1].

12) **Мобилизация** (1) ‘действие по значению глаголу мобилизовать’; (2) **неологизм** ‘призыв военнообязанных запаса нескольких возрастов на службу; (3) ‘перевод вооруженных сил страны из мирного состояния в полную боевую готовность’; (4) ‘призыв, привлечение кого-либо для выполнения какого-либо массового мероприятия, каких-либо задач, имеющих существенное значение’ [1].

13) **Красные линии** (1) ‘линия разметки на площадке игры в хоккей’; (2) ‘условная граница, отделяющая территорию улиц, проездов, магистралей’; (3) ‘граница между авансеной и нулевым планом сцены’; (4) **неологизм** ‘предел, за который нежелательно или нельзя переступить’ [1].

14) **Пряник** (1) ‘мучное кондитерское изделие’; (2) **неологизм** ‘снаряд’ [1].

15) **Ватник** (1) ‘стеганая ватная куртка или безрукавка’; (2) **неологизм** ‘настроенные лояльно по отношению к России граждане, т. е. украинцы, а также все люди, симпатизирующие России и российскому народу’ [1].

16) **Зацепить** (1) ‘ухватить что-либо при помощи крюка или иного заострённого приспособления’; (2) ‘частично охватить нечто действием, направленным на что-либо иное’; (3) **неологизм** ‘вызвать сильный эмоциональный отклик; 4) **неологизм** ‘задеть часть тела при обстреле (легко)’ [1].

С точки зрения словообразования («словообразовательная деривация»).

Под деривацией в лингвистике принято понимать «процесс создания одних языковых единиц (дериватов) на базе других, принимаемых за исходные, в простейшем случае — путем “расширения” корня за счет аффиксации или словосложения» [5]

Нами были выделены следующие способы образования неологизмов:

Суффиксация

Русскоязычные суффиксы

Способ	Денотативное значение	Пример
<i>N + -ник</i>	Тот, кто связан с указанной в основе деятельностью, профессией	<i>Чевэкашник, ватник</i>
<i>N + -ин</i>	Под ударением при добавлении к основе существительных образует существительные со значением увеличенности	<i>Кринжатина</i>
<i>N + -ец</i>	В безударной позиции при добавлении к основе	<i>Кадыровец</i>

	существительного образует существительное со значением 'тот, кто принадлежит к указанной в основе организации, общности'	
<i>N + -ик</i>	Словообразовательная единица, образующая имена существительные, которые обозначают лицо по отношению к какой-либо сфере науки, техники, искусства, литературы	<i>Пряник, мобик</i>
<i>N + -ациj</i>	Значение процессуальности и результат действия	<i>могилизация, мобилизация, спецоперация;</i>

Иноязычные (английские) суффиксы

<i>Способ</i>	<i>Денотативное значение</i>	<i>Пример</i>
<i>N + -er</i>	В безударной позиции при добавлении к основе глагола образует существительное со значением "тот, кто профессионально занимается указанной в основе деятельностью. Значение действующего лица, образованного от соответствующего глагола	<i>Тиктокер, трэш-блогер, фуд-блогер, ньюсмейкер, абьюзер, хедлайнер, ретейлер, лоукостер, ринг-анонсер</i>
<i>V + -ing</i>	Имеет значение действия по глаголу. При добавлении к основе глаголов образует существительное со значением 'имеющий указанное свойство'.	<i>Коворкинг, шейпинг, вендинг, онлайн-шопинг</i>

Префиксация*Русскоязычные префиксы*

<i>Модель</i>	<i>Денотативное значение</i>	<i>Пример</i>
<i>За- + V</i>	Образует глаголы со значением достижения результата действия, состояния	<i>Зафургалить, зацепить</i>
<i>За- + N</i>	Существительные со значением одного из повторяемых актов	<i>Закреп</i>
<i>Пере- + V</i>	Образует глаголы со значением перемещения, значением совершения действия над.	<i>Перемога</i>

Иноязычные (английские) префиксы

<i>Модель</i>	<i>Денотативное значение</i>	<i>Пример</i>
<i>Де- + V</i>	Удаление, отмена, прекращение, устранение чего-л. или обратное действие	<i>Дебермудизация, демилитаризация, денацификация</i>

Иноязычные (греческие) префиксы (приставки)

<i>Модель</i>	<i>Денотативное значение</i>	<i>Пример</i>
<i>Эндо- + V</i>	Внутри, поглощающий или содержащий	<i>Эндаумент</i>

Словосложение

А) Компоненты соединяются с помощью интерфикса: *инфоцыгане, геноцид, инфодемия, лоукостер, тероборона, спецоперация; могиллизация, чевэкашник, демилитаризация, мобилизация.*

Б) Компоненты соединяются непосредственно, без помощи интерфикса: *нюсмейкер, плей-офф, медиафейк, онлайн-шоппинг, эндаумент, суетолог, гейм-зона, спецоперация, ринг-анонсер.*

Комбинированные способы

1) Префиксально-суффиксальный способ:

Re + N + -ну, например, глагол «*ретвитнуть*» — ‘вторично опубликовать сообщение, размещенное другим пользователем в Твиттере, со ссылкой на источник’.

За + N + и., глагол «*зацепить*» — ‘легко ранить, задеть при обстреле’.

De + N + ациј: *Дебермудизация, демилитаризация, денацификация*

2) Усечение по аббревиатурному способу + сложение: *геноцид* — ‘истребление отдельных групп людей или целых народов по политическим, идеологическим, расовым, национальным, этническим или религиозным мотивам — тягчайшее преступление против человечества’ [1].

Тероборона — ‘комплекс мероприятий, организуемых в военное время территориальными органами власти для борьбы с диверсионно-разведывательными группами и десантами, а также для охраны важных объектов на территории, где действует военное положение’ [1].

Инфодемия — ‘распространение дезинформации с целью создания стрессовой ситуации посредством слухов, фейков, утрирования ситуации или её отрицания’ [1].

Спецоперация — ‘военная операция, которая отличается от обычной как по целям, так и по методам, и, как правило, проводится силами специальных подразделений’ [1].

В основе классификации неологизмов могут быть различные признаки. По виду языковой единицы неологизмы делятся на неолексем, неофраземы и неосемемы. По степени новизны новообразования делятся на абсолютные и относительные. По способу образования неологизмы делятся на заимствованные, словообразовательные и семантические. в современном публицистическом дискурсе чаще всего встречаются неологизмы, касающиеся тем военной тематики, экономики, сленга.

Так, в ходе анализа 55 неологизмов, было обнаружено:

С точки зрения условий создания: 48 общеязыковых неологизмов, индивидуально-стилистических — 5 неологизмов;

По степени новизны неологизмы: абсолютных — 23 неологизма, относительных — 32 неологизма;

По виду языковой единицы: неолексем — 23, неофразем — 2, неосемем — 13;

По способу образования: словообразовательной деривации (суффиксации — 22; префиксации — 9; словосложения — 19; комбинированных способов — 10); семантической деривации — 16 неологизмов; с точки зрения заимствований из других (45 неологизмов, из которых англ. — 27);

Таким образом, наиболее распространенными классификацией образования неологизмов являются *общеязыковые, относительные, неолексем, словосложение, аффиксация*. Здесь прослеживается параллель с образованием лексем в узуальной лексике современного русского языка: в большинстве случаев наиболее распространенные модели узуального словообразования также являются самыми продуктивными и распространенными в словообразовании окказиональной лексики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Викисловарь — многоязычный открытый словарь, международный онлайн-лексикографический проект Wiktionary [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wiktionary.org/wiki/Викисловарь:Заглавная_страница (дата обращения 01.03.2024)
2. Гальперин, И. Р. Очерки по стилистике английского языка. / И. Р. Гальперин // — Москва.: Либроком, 2012. — 462 с.

3. Котелова, Н. З. Неологизмы / Н.З. Котелова // Лингвистический энциклопедический словарь // — Москва., 2000. — 331 с.
4. Крысин Л. П. Иноязычные слова в современном русском языке. / Л. П. Крысин ; АН СССР, Ин-т русского языка. — Москва : Наука, 1968. — 208 с.
5. Лингвистический энциклопедический словарь. URL: <http://www.tapemark.narod.ru/les>
6. Некипелова, И. М. К вопросу о разграничении понятий семантическая деривация и семантическое словообразование в диахроническом аспекте / И.М. Некипелова // Вестник ТГУ Филология № 2 (14). — 2011. — С. 33–46.
7. Поповцева Т. Н. Относительные неологизмы / Т.Н. Поповцева // Новые слова и словари новых слов. — Л.: Наука ЛО, 1990. — С. 90–95.

Поступила в редакцию 21.03.2024 г.

V. I. Tokhtarova

NEOLOGISMS IN MODERN JOURNALISTIC DISCOURSE

This article examines the use of neologisms in modern journalistic discourse, their functional significance and linguistic features. The purpose of the study is to analyze the specifics of the use of neologisms, their semantics, word formation. The author identifies the main ways of forming neologisms in journalistic discourse. The authors managed to analyze the functioning of neologisms in the media using the example of newspaper texts when comparing two languages - English and Russian - and identify the specifics of their functioning.

Key words: *neologisms, borrowings, discourse, military topics, vocabulary.*

Тохтарова Виктория Ивановна.

Донецкий государственный университет, г. Донецк, РФ.
Студент.
E-mail: tohtarovaviktoria46@gmail.com

Tokhtarova Victoria Ivanovna.

Donetsk State University, Donetsk, RF.
Student.
E-mail: tohtarovaviktoria46@gmail.com

Стебунова Алла Николаевна.

Кандидат филологических наук.
Донецкий государственный университет,
г. Донецк, РФ.
Доцент кафедры русского языка.
E-mail: an.stebunova@mail.ru

Stebunova Alla Nikolaevna.

Candidate of Philology.
Donetsk State University, Donetsk, RF.
Associate Professor of the Department of Russian
Language.
E-mail: an.stebunova@mail.ru

УДК 81'42

С. А. Шишко © 2024

*Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Донецкий государственный университет»
(Научн. рук. — д-р филол. наук, проф. В. И. Теркулов)*

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ АКЦИОНАЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ В ДОНЕЦКОЙ РЕЧИ

Объектом исследования в данной работе является лексико-семантическое поле акциональных глаголов в донецкой речи. Предметом исследования является семантика и употребление акциональных глаголов в донецкой речи. Цель данного исследования — выявление семантических особенностей акциональных глаголов в донецкой речи и описание особенностей их употребления. Для достижения поставленной цели были сформулированы следующие задачи: проанализировать лексико-семантическое поле акциональных глаголов в донецкой речи, выявить семантические особенности акциональных глаголов в донецкой речи. Описать употребление акциональных глаголов в различных контекстах в донецкой речи.

Ключевые слова: *лексико-семантическое поле, акциональные глаголы, донецкая речь, группы акциональных глаголов.*

Региолект, как отмечает В. И. Теркулов, представляет собой «совокупность различных речевых особенностей, характерных для городских и „урбанизированных“

сельских говоров одного региона. Эти говоры обычно объединяются вокруг говора административного центра, будь то областной, краевой или республиканский. Региолект не может быть отождествлён с отдельно взятым городским говором: как и диалект, в большом количестве исследований определяемый как единство близких сельских говоров, он связывается с единообразной речью нескольких населённых пунктов — городов, посёлков городского типа и т. д.» [3, с. 5]. Донецкий региолект характеризуется диффузностью: он возникает на территориях позднего заселения в результате смешения говоров и языков мигрантов на базе русского просторечия. Региолект — это не отдельный идиом, а совокупность различных идиомов: региолектные черты отмечаются и в просторечии, и в жаргонах, и в литературном языке.

Донецкий региолект является одним из вариантов русского языка, которым пользуются жители Донбасса. Он имеет свои собственные лексические, грамматические и фонетические особенности, которые отличают его от других региолектов.

Языковыми элементами, формирующими региолект, являются регионализмы — «регионально маркированные языковые явления, под которыми мы понимаем единицы и языковые (речевые) процессы, отличающиеся от наддиалектных единиц и процессов, представленных в литературном стандарте и в общенациональном фонде просторечия и других идиомов» [3, с. 18], например донецкие слова *разбить* ‘разменять деньги’, *сходить* ‘выходить из общественного транспорта’, *зарядить* ‘пополнить счет», *буцать* ‘пинать’. Иначе говоря, региолект имеет свои уникальные особенности, которые отражают специфику конкретного региона и его речевых традиций.

Глаголы играют важную роль в формировании лексикона любого языка. Глагол — это основа лексикона, являющаяся, по определению Н. Ю. Шведовой, «доминантой русской лексики» [8, с. 409–414] и превосходящая другие классы слов как богатством и глубиной своего содержания, лексического значения, так и разнообразием форм и грамматических категорий. Глаголы составляют основу языковой системы и позволяют описать действия, состояния, переживания и процессы. Они создают представление о наиболее важных событиях в жизни человека, так как отражают его активность, изменения, перемещения и другие проявления.

Ю. С. Маслов определяет глагол как часть речи, которая выражает грамматическое значение действия, т. е. признака динамического, протекающего во времени. Грамматическое значение действия понимается широко: это не только действие в собственном смысле этого слова, но и состояние и просто указание на то, что данный предмет существует, что он относится к определённой классу предметов [4, с. 552–696].

Лексическая система современного идиома предельно структурирована, постоянно развивается. Она подобна фракталу: все новые лексические единицы, а также их значения, распределяются по группам (подгруппам) и организуют лексико-семантическое поле, причем каждое получившееся благодаря общности лексико-семантических признаков образование обязательно имеет семантическую связь, восходит к общему значению целой парадигмы, чаще всего одновременно образуя собой новое поле и парадигму, в котором является точкой отсчёта.

Лексико-семантическое поле — совокупность языковых единиц, объединённых общностью содержания (иногда также общностью формальных показателей) и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений [6, с. 380]. По мнению Х. Х. Эгамназарова, ЛСП — это совокупность лексем, обозначающих определенное понятие в широком смысле этого слова, включающих в свой состав слова различных частей речи. Исследователь отмечает, что «лексико-семантическое поле имеет признаки системности как в синхронном, так и в диахронном плане» [9, с. 185].

Лексико-семантическая группа глаголов выделяется на основе «взаимодействия синтаксических и семантических свойств глагола» в составе полнозначительных

акциональных глаголов. Акциональные глаголы «обозначают физические или ментальные действия лица».

Ю. М. Караулов говорит о важности разделения русской лексики на семантические поля (например, поле «счастье»), ЛСГ (например, группа слов со значением «передвижение»), тематические группы (например, «наименования рыб»), синонимические ряды (например, ряд с инвариантным значением «добрый»), ономазиологические группы (например, выражение понятия «время» именами существительными в русском языке) [4, с. 314].

ЛСГ глаголов — это подгруппа глаголов, которые объединены на основе схожих семантических признаков или значений: «ЛСП рассматривается как объединение лексических единиц, которое состоит из целого ряда ЛСГ, т. е. ЛСП и ЛСГ соотносятся как общее и частное» [2, с. 110]. Внутри ЛСГ глаголы могут реализовывать синонимические отношения и различные контекстные значения. Например, ЛСГ «речь и интеллектуальные действия», входящая в ЛСП «действия», отражает группу глаголов, связанных с общением и выражением мыслей и идей в устной форме.

ЛСП и ЛСГ глаголов важны для понимания организации языковой системы и семантической структуры. Они позволяют систематично изучать и описывать лексические единицы, определять их сходные и различающиеся значения, а также выявлять связи и отношения между ними. Исследование ЛСП и ЛСГ глаголов в донецком региолекте поможет лучше понять особенности употребления и значения глаголов в данной системе идиомов, а также выявить региональные отличия и вариации в употреблении глаголов.

Языковое освоение предметов и явлений внешнего мира состоит не только в их наименовании, но и стремлении классифицировать. Еще М. М. Покровский указывал на то, что в лексической системе языка существуют различные группы или «поля слов». Одни из них представляют собой внутриязыковые объединения («по сферам представлений»), другие — объединения внеязыковые («по предметным областям»). Эти идеи М. М. Покровского получили развитие в современном языкознании при разработке вопроса семантической организации словарного состава языка, в частности, в теории семантических полей, ЛСГ и тематических групп.

Необходимо отметить, что региолекты, включая, конечно же, и донецкий региолект, формируются под влиянием различных факторов: исторических, социальных, культурных и т. д. Эти факторы определяют также особенности лексического состава и семантики глаголов в донецком региолекте.

В донецком региолекте присутствуют региональные слова, выражения и специфические формы глаголов, связанные с традициями, миграцией и его историей.

Выделение ЛСП и ЛСГ в донецком региолекте основывается на систематизации и классификации глаголов в соответствии с их семантикой и лексическим значением. Исследование ЛСП и ЛСГ глаголов в донецком региолекте позволяет более полно изучить и описать специфику лексической системы, а также углубить понимание особенностей речи и мышления жителей Донбасса.

Лингвисты подчеркивают наличие акционального признака как основополагающего в семантике глагольной лексемы. Однако уже в ранних исследованиях указывается на его «неравномерное» проявление в различных глагольных форматах. В результате появляются классификации глаголов, в которых единицы группируются в соответствии с проявлением признака акциональности в их семантике [1, с. 60–61; 4, с. 96–99].

В центре глагольной системы — подкласс глаголов со значением действия, или акциональных, наиболее полно выражающих категориальное значение глагола как части речи в донецком региолекте. Акциональные глаголы передают знание об исходных

акциональных событиях, действиях и разных аспектах события. Это дает возможность по-разному оценить событие, интерпретировать его с точки зрения восприятия, способа осуществления, субъектно-ориентированных, объектно-ориентированных характеристик.

Акциональные глаголы как самостоятельное лексико-семантическое поле представлено лексико-семантическими группами:

1. Глаголы конкретного физического действия.
2. Глаголы перемещения, движения, моторно-кратного и моторнонекратного.
3. Глаголы речевого действия.
4. Глаголы донативного действия.
5. Глаголы социальных интересубъектных действий.
6. Глаголы восприятия и эмоционального действия.

Глаголы конкретного физического действия, которые описывают действия, выполняемые с использованием физических усилий (*буцать* ‘пинать’, *ввинтить*, *вкрутить* (кран или лампочку, чтобы он стал/перестал работать, перекрыть), *складировать* ‘собирать в кучу вещи, нагромождать, водружать’, *бехкать* ‘сильно ударять по чему-либо’, *завинтить* ‘закрывать кран’, *важить* ‘взвешивать’, *выгинать* ‘выгибать’, *жаковать* ‘поднимать при помощи каких-либо подъёмных устройств’, *заделать* ‘сделать, изготовить что-л.’, *трусить* ‘очистить от пыли, трясти’, *тавошить* ‘будить’, *впоймать* ‘поймать’, *вымануть* ‘выманить’, *вынять* ‘вынуть’, *вырубивать* ‘вырубать’, *завернуть* ‘вернуть, повернуть’, *загинать* ‘загибать’, *заголить* ‘оголить’, *закатить* (рукава) ‘закатать’, *закупориться* ‘не по погоде тепло одеться’, *замануть* ‘заманить’, *запровадить* ‘учредить, сделать что-то’, *запровторить* ‘засунуть что-то куда-то, спрятать, запхнуть ‘засунуть’, *застить* ‘заслонять, загораживать’, *лузгать* ‘грызть, щёлкать (о семечках)’, *мудохаться* ‘возиться с чем-либо’, *музыкаться* ‘то же, что мудохаться’ и под.).

Эти глаголы описывают различные виды физических действий, такие как завинчивание, сборка, удары, взвешивание, выгибание, поднятие и многие другие. Они связаны с рутинными делами, ручным трудом, обеспечением функционирования различных предметов и многими другими аспектами повседневной деятельности. Данные глаголы формируют материальную основу для выражения физических действий и подчеркивают активность данного регионального варианта русского языка.

Глаголы перемещения, движения, моторно-кратного и моторнонекратного помогают передать информацию о различных видах движений и перемещений, создают более живую и наглядную картину происходящих процессов (*гапнуться*, *гэпнуться* ‘упасть’, *гоцать* ‘прыгать’, *телёпаться* или *телёпать* ‘идти медленно’, *блукать* ‘блуждать’, *бухнуть* ‘упасть’, *телепать*, *телепаться* ‘раскачиваться’, *сигать* ‘прыгать’, *напнуться* ‘наткнуться’, *подойти* ‘прийти’, *плыть* ‘плыть’, *перцепиться* ‘зацепившись за что-л., споткнуться’, *лындать* ‘ходить без дела, шляться, шастать’, *нагинаться* ‘нагибаться’ и т. д.).

Данные глаголы передают разнообразные способы движения и перемещения, а также визуальные и кинестетические ощущения, связанные с этими действиями.

Акциональными являются **глаголы речевого действия**, которые описывают действия, связанные с высказыванием, общением и передачей информации с помощью слов (*отэтывается* ‘отнекивается’, *мороковать* ‘обдумывать’, *матюкаться* ‘сквернословить’, *базикать* ‘рассказывать небылицы’, *пуржить* ‘нести околёсицу, врать’, *обозваться* ‘откликнуться’, *брехать* ‘лгать’ и др.).

Глаголы передают различные аспекты речевого действия, такие как отрицание, размышления, ругательства, вранье и др. Они отражают особенности коммуникации в данном регионе. Исследование глаголов речевого действия в донецкой речи позволяет лучше понять специфику языка и мышления жителей данного региона. Каждая речевая

ситуация и выражение мыслей и идей может быть свойственна и уникальна для данного региона.

Глаголы донативного действия, изменяющего посессивные отношения (*тулить* ‘прислонять, вставлять’, *примастить, примостить* ‘пристроить, разместить’, *притулить* ‘прислонить’, *сдыхаться* ‘избавиться’, *раскидать* ‘поделить’, *разбуть, разбуться* ‘разуть, снять обувь’, *раздеть* ‘снять’ и др.); действия, обозначаемые глаголами этих групп, имеют межличностный, intersубъектный характер, что особенно ощутимо в глаголах с аффиксом *-ся*. Эти глаголы передают различные аспекты передачи или изменения владения.

Сюда же примыкают глаголы более сложной семантики — **социальных intersубъектных действий** (*панькаться* ‘церемониться’, *вваливать* ‘наказывать’, *кучковаться* ‘собираться в группу’, *гудеть, гужбанить* ‘кутить, веселиться, пьянствовать’, *дражнить* ‘дразнить’, *ходить* ‘встречаться (об отношениях между молодыми людьми)’, *перестреть* ‘встретить, перехватить кого-л.’ и др.). Данные глаголы описывают действия, которые имеют межличностный характер и отражают различные аспекты социального поведения и взаимодействия.

Исследование глаголов социального intersубъектного действия в донецкой речи позволяет лучше понять особенности взаимодействия и социальных норм данного региона. Оно помогает описать различные аспекты социального поведения и взаимодействия, а также выявить особенности коммуникации и социального общения в данном регионе.

Глаголы восприятия и эмоционального действия играют важную роль в передаче информации о наших ощущениях, эмоциях и восприятии мира вокруг нас (*пыриться* ‘смотреть’, *слышать* ‘чувствовать’, *скучиться, скучить* ‘соскучиться’).

Эти глаголы позволяют лучше понять специфику и характеристики восприятия и эмоциональной сферы в донецкой речи. Оно помогает описать эффекты и воздействия нашего восприятия и эмоций на язык и речь, а также выявить особенности их значения и употребления.

Основные группы акциональных глаголов характеризуются такими признаками, как активность и целенаправленность действия, совершаемого, как правило, лицом или живым существом, потенциальная наблюдаемость и способность к конкретно-временной локализации.

Изучение тематических групп акциональных глаголов в донецком региолекте позволяет нам лучше понять особенности этого идиома и его лексикона. Глаголы конкретного физического действия, перемещения, речевого действия, донативного действия и социального взаимодействия играют важную роль в формировании языка и помогают передать информацию о разнообразных действиях, состояниях и переживаниях.

Исследование лексико-семантических групп акциональных глаголов в донецкой речи является важным и актуальным направлением изучения данного регионального варианта русского языка. Оно позволяет лучше понять специфику и особенности донецкой речи, ее лексическую систему, а также связь с культурным наследием данного региона.

Исследование лексико-семантических групп акциональных глаголов позволяет систематизировать и классифицировать эти глаголы на основе их семантики и функциональной роли. Оно также помогает понять особенности употребления данных глаголов в данном региолекте и выявить специфические значения, которые могут быть непонятны или редко используются в других регионах.

Исследование тематических групп акциональных глаголов в донецком региолекте помогает нам лучше понять особенности этого идиома и его лексикона. Каждая тематическая группа отражает определенные сферы и аспекты жизни и деятельности людей в данном регионе, исследование которых позволяет лучше понять культуру и историю данного региона.

Однако, для более полного и всестороннего понимания лексико-семантического поля акциональных глаголов в донецкой речи требуется их дальнейшее исследование в различных контекстах и ситуациях, а также сравнивать их с другими вариантами русского языка.

Лексико-семантические группы акциональных глаголов в донецкой речи способствуют более глубокому пониманию этого регионального варианта русского языка и его связи с культурой и историей данного региона. Это позволяет расширить наши знания о лингвистическом разнообразии и особенностях русского языка, а также исследовать его взаимосвязь с социокультурным контекстом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондарко А. В. Вид и время русского глагола (значение и употребление) / А. В. Бондарко. — М.: Просвещение, 1971. — 239 с.
2. Васильев, Л. М. Теория семантических полей / Л. М. Васильев // Вопросы языкознания. — 1971. — № 5. — С. 105–113.
3. Донецкий региолект: монография / В. И. Теркулов, Н. П. Курмакаева, В. И. Мозговой, К. В. Першина и др.; под ред. В. И. Теркулова. — Донецк: Издательство ООО "НПП" Фолиант", 2018. — 265 с.
4. Караулов, Ю. Н. Общая и русская идеография / Ю. Н. Караулов. — М.: Наука, 1976. — 356 с.
5. Кацнельсон С. Д. Категории языка и мышления. Из научного наследия. М.: Языки славянской культуры, 2001. 865 с.
6. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. — М.: Сов. энциклопедия, 1990. — 683 с.
7. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 432 с.
8. Шведова, Н. Ю. Глагол как доминанта русской лексики / Н. Ю. Шведова // Филологический сборник: К 100-летию со дня рождения акад. В. В. Виноградова. — М.: ИРЯ, 1995. — С. 409–414.
9. Эгамназаров, Х. Х. О понятии лексико-семантического поля в лингвистике / Х. Х. Эгамназаров // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Серия гуманитарно-общественных наук. — 2018. — № 1. — С. 185–189.

Поступила в редакцию 14.03.2024 г.

S. A. Shishko

LEXICAL AND SEMANTIC FIELD OF ACTION VERBS IN DONETSK SPEECH

The object of research of this work is the lexical and semantic field of actional verbs in Donetsk speech. The subject of the study is the semantics and use of actional verbs in Donetsk speech. The purpose of this study is to identify the semantic features of actional verbs in Donetsk speech and describe their use in various contexts. To achieve this goal, the following tasks were formulated: 1. To analyze the lexical and semantic field of action verbs in Donetsk speech. 2. To identify the semantic features of actional verbs in Donetsk speech. 3. Describe the use of actional verbs in various contexts in Donetsk speech.

Keywords: *lexical and semantic field, actional verbs, Donetsk speech, groups of actional verbs.*

Шишко София Александровна.

Донецкий государственный университет,
г. Донецк, РФ.

Студент.

E-mail: sofia.shishko5@yandex.ru

Shishko Sofia Alexandrovna.

Donetsk State University, Donetsk, RF.

Student.

E-mail: sofia.shishko5@yandex.ru

Теркулов Вячеслав Исаевич.

Доктор филологических наук.

Донецкий государственный университет,
г. Донецк, РФ.

Заведующий кафедрой русского языка.

E-mail: terkulov@rambler.ru

Terkulov Vyacheslav Isayevich.

Doctor of Philology.

Donetsk State University, Donetsk, RF.

Head of the Russian Language Department.

E-mail: terkulov@rambler.ru

Дискурсология и генристика

УДК 81'42

Ш. Гуань © 2024

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Санкт-Петербургский государственный университет»
Научн. рук. — канд. филол. наук Д. В. Колесова)

КОГНИТИВНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОМ ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ

Когнитивное моделирование в современном лингвистическом исследовании играет ключевую роль в изучении восприятия, обработки и использования языковой информации. В данной статье автор обсуждает основные понятия терминов «модель» и «моделирования» и основные процедуры метода когнитивного моделирования. Приводятся примеры исследований, где когнитивное моделирование применялось для анализа языковых изменений и принятия решений в использовании языка. Когнитивное моделирование остается актуальным и значимым направлением исследований в лингвистике, обогащая наше понимание языка, его эволюции и взаимосвязи с когнитивными процессами.

Ключевые слова: модель, моделирование, когнитивное моделирование, языковые изменения.

В настоящее время моделирование используется как метод исследования в разнообразных научных направлениях, таких как математика, геометрия, физика, химия, социология, экономика, биология, и во многих других естественных и гуманитарных науках. Современная лингвистика проявляет большой интерес к изучению когнитивных процессов в языковой коммуникации. Когнитивное моделирование широко используется в современной лингвистике как важный инструмент для вербализации когнитивных процессов.

Для понимания термина «моделирование» необходимо уточнить, что такое «модель». Модель — это имитация какого-нибудь объекта или явления, а моделирование рассматривается как процесс и метод создания модели.

Термин «модель» был впервые использован в области математики в конце XIX века Е. Бельтрами и Ф. Клайном, также Г. Фреге и Б. Рассел употребляли данный термин при изучении математической логики. Стоит отметить, что математическое значение термина «модель» диаметрально противоположно ее более позднему значению, особенно в лингвистике [А. Ф. Лосев, 2004].

В середине XX века термин «модель» употреблен З. Хэррисом для описания разницы методологических приемов лингвистов (1944 г.) и результатов исследований Э. Сэпира (1951 г.). В 1954 году лингвист С. Хокетт использовал этот термин в применении к грамматике. Он понимает «модель» так: обобщённая и формализованная структура или процесс тех или иных фактов языка. Однако в 1957 году лингвист В. Эттингер уже подчёркивает, что модель не только воспроизводит действительность, но и воздействует обратно на эту действительность. В 1960 году В. Ингве распространяет это понятие с конкретного языка на общий лингвистический механизм [5, 2004]. Все вышеперечисленные понимания термина «модель» закладывают основу для использования моделирования в качестве исследовательского метода в лингвистике.

Термин «модель» широко использован в различных значениях, несмотря на обычное требование однозначности к термину. Далее рассмотрим понимания «модели» в различных отраслях лингвистики:

В общем языкознании модель — это «1. Закономерное расположение последовательностей сегментных и сверхсегментных элементов в сложных языковых единицах, определяемое в речи <...> Модель морфологическая, Модель предложения <...>; 2. Присущая данному языку парадигматическая схема элементов его структуры,

<...> являющаяся основой моделирования языка как одного из методов его изучения. *Модель фонемная, Модель порождающая* <...>» [1, с. 230].

В психолингвистике «моделью» понимается «мысленно представляемая система, которая, отображая или воспроизводя объект исследования, способна замещать его так, что ее изучение дает нам новую информацию об этом объекте» [3, с. 35]. Например, модель производства речи.

Модель в социолингвистике связана с моделированием коммуникативного акта при решении вопроса «что при этом происходит, как и почему». Попытка ответить на поставленные вопросы выразились в создании ряда моделей, таких как модель порождения текста, модель восприятия текста, модель коммуникативного акта [7, с. 94–95].

В когнитивной лингвистике «модель» используется при описании концептов. Под этим термином понимается «определённый стереотипный образ, с помощью которого организуется опыт и знания о мире» [8, с. 21]. Когнитивная модель является предметом исследования когнитивной лингвистики, её можно рассматривать как «основной механизм, обеспечивающий обработку и хранение информации о мире в сознании человека» [6, с. 58].

Итак, «модель» и «моделирование» становятся неотъемлемой частью в современных лингвистических исследованиях. Однако из-за их широкого использования возникли разногласия по поводу определения значения основного термина. Кроме того, еще предстоит решить основные вопросы, касающиеся сущности моделирования, перспектив его применения, и также определения статуса и границ описания моделируемых объектов.

Термин «моделирование» в лингвистическом исследовании выступает как «научный прием, состоящий в схематическом воспроизведении объекта, либо не поддающегося непосредственному наблюдению, либо отличающегося большой сложностью» [1, с. 230]. Следует отметить, что с точки зрения когнитивной лингвистики термин «модель» имеет особое значение, поскольку является важным понятием, тесно связанным со спецификой когнитивных структур, изучаемых в рамках данной области. В частности, речь идет о некоторых базовых понятиях, таких как «концепт», «картина мира», «фрейм», «пропозиция» и т. д., каждое из которых представляет собой определенную структурированную модель знания [7, с. 96].

Современная лингвистика продвигается вперед с помощью различных методов и подходов, и одним из наиболее перспективных из них является когнитивное моделирование. Многоаспектный и динамический характер анализа языковых явлений заставляет учитывать средства когнитивного моделирования. Этот подход представляет собой мощный инструмент для понимания того, как люди обрабатывают и интерпретируют язык, основываясь на когнитивных процессах, которые лежат в основе нашего восприятия и понимания мира вокруг нас.

Когнитивное моделирование является аналитическим подходом, который рассматривает сходства и различия во влиянии множества факторов на объект управления и сосредоточен на определении силы и направления воздействия этих факторов на перевод объекта управления в целевое состояние. Методика когнитивного моделирования предполагает существование определённой последовательности действий и заключается в классификации соответствующей среды рассматриваемой проблемы на внешнюю и внутреннюю. Когнитивное моделирование в основном используется для быстрого ответа на вопрос «Что будет, если?», «Что надо сделать, если ...?», с помощью «выявления факторов и их взаимовлияний в складывающейся слабо детерминированной и неустойчивой ситуации, где на динамику процесса решения задач оказывают большое влияние люди, а постановка задачи чаще всего является обратной и некорректной» [4, с. 76–77].

Основная идея когнитивного моделирования в лингвистике заключается в том, что языковые структуры и семантика отражают наши когнитивные процессы. То есть язык не просто отражает мир, но и отражает способы, которыми мы воспринимаем и организуем информацию в нашем уме. Этот подход позволяет лингвистам исследовать,

как мы используем язык для выражения своих мыслей, как мы формируем представления о мире и какие когнитивные стратегии используются при обработке языка.

Одной из ключевых областей применения когнитивного моделирования в лингвистике является изучение метафоры. Метафоры не только украшают нашу речь, но и отражают наши представления о мире. Когнитивные лингвисты исследуют, какие метафоры мы используем для выражения абстрактных концепций (например, "время — это деньги") и как эти метафоры формируют наше понимание окружающего мира. Ее конструкция обычно состоит из трех отдельных компонентов, в первую очередь, абстрактные схемы образов, являющиеся результатом осмысления человеком его телесной организации и опыта воздействия с физическими объектами окружающего мира. Во-вторых, это концептуальные метафоры, которые связывают абстрактные области существования с чувственным воспринимаемым когнитивными фрагментами. Наконец, эти метафоры могут быть лингвистическими по форме, что раскрывает потенциальный спектр концептуальных метафор [2]. В настоящее время исследование метафорического моделирования распространено, например, метафорическое исследование в рамках языковой картины мира [8], метафорическое моделирование концепта в англоязычном медиатексте [9], метафорическое моделирование образа политика в политическом медиадискурсе [11] и др.

Еще одним важным направлением исследований с использованием когнитивного моделирования является анализ когнитивных аспектов языковых изменений и языковой эволюции. Когнитивное моделирование может быть эффективным средством усвоения знания. Хорошо известно, что усвоение знаний — комплексный процесс, включающий в себя ряд аспектов, таких как восприятие знаний, их ментальное представление и включение в индивидуальную концептуальную систему [10, с. 201]. Как меняется наше восприятие и использование языка со временем? Какие когнитивные факторы лежат в основе этих изменений? Эти вопросы помогают нам лучше понять не только языковую динамику, но и когнитивные механизмы, которые стоят за этими процессами. Используя теории когнитивной лингвистики, исследователь может попытаться понять, какие когнитивные процессы участвуют в том, как люди усваивают новые слова и начинают их использовать. Например, как они ассоциируют звуки с определенными значениями, как они запоминают эти слова, и какие факторы влияют на выбор определенного слова в конкретном контексте.

Вот несколько примеров исследований, где когнитивное моделирование применялось для анализа языковых изменений и процессов принятия решений в использовании языка:

1. Анализ использования новых лексических единиц. Исследования показывают, что когнитивное моделирование может быть использовано для изучения того, как люди начинают добавлять новые слова или выражения в свою речь после их появления в обществе. Это может включать исследование того, каким образом новые слова распространяются и становятся частью активного словаря говорящих.

2. Изучение эффектов контекста на языковые изменения. Исследования показывают, что когнитивное моделирование позволяет анализировать, как контекст влияет на языковые изменения. Например, как изменения в социокультурной среде или коммуникативной ситуации могут привести к изменениям в использовании языка.

3. Изучение эволюции грамматики. Исследователи применили когнитивное моделирование для анализа того, как происходит изменение грамматических конструкций в языках. Например, как новые формы глаголов или словообразовательные процессы появляются и распространяются в языке.

В заключение отметим: когнитивное моделирование открывает новые горизонты для лингвистического исследования, позволяя нам лучше понимать связь между языком, мышлением и восприятием. Этот подход не только помогает нам расширить наше представление о том, как работает язык, но и дает возможность лучше понимать самих

себя и нашу культуру через призму языка и когнитивных процессов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. — М. : КомКнига, 2005. — 571 с.
2. Битокова С. Х. О механизме метафорического моделирования действительности / С. Х. Битокова // Когнитивные исследования языка: мат-лы Всеросс. науч. конф. (11-12 апреля 2013 г.) / отв. ред. вып. Л. А. Фурс. 2013. Вып. XIV. Когнитивная лингвистика: итоги, перспективы. — С. 153-156.
3. Каримова Р. А. Семантико-структурная организация текста (на материале устных спонтанных и письменных текстов) / Р. А. Каримова. — Уфа: Башкирский университет, 1991. — 154 с.
4. Куприенко П. С. Теория систем: системный подход к моделированию ситуации в техносфере: учеб. пособие / П.С. Куприенко, Д.Д. Лапшин. — Воронеж: ФГБОУ ВПО «Воронежский государственный технический университет», 2012. — 105 с.
5. Лосев А. Ф. Введение в общую теорию языковых моделей / А. Ф. Лосев. — Изд-е 2-е. стереотип. — М.: Едиториал УРСС, 2004. — 296 с.
6. Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику: учеб. пособие / В. А. Маслова. — Изд-е 5-е. — М.: Флинта; Наука, 2011. — 296 с.
7. Ремхе И. Н. Статус модели в лингвистических науках и ее реализация в когнитивном моделировании языка / И. Н. Ремхе // Вестник ЧелГУ. — 2007. — № 8. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/status->
8. Резанова З. И. Метафорическое моделирование в языковой картине мира (к обоснованию методов исследования) / З. И. Резанова, Д. А. Катунин, Н. А. Мишанкина // Вестн. Том. гос. ун-та. — 2003. — №
9. Трёмаскина О. А. Моделирование концепта ECONOMIC CONFLICT в англоязычном медиадискурсе : Диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.04 / Трёмаскина Олеся Александровна; [Место защиты: ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»]. — Саранск, Л
10. Федотова О. С. Когнитивное моделирование как метод познания и изучения объекта в научных исследованиях / О. С. Федотова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — Тамбов : Грамота, 2015. — № 4 (46) : в 2-х ч. Ч. II. — С. 199–202.
11. Хачмафова З. Р. Метафорическое моделирование образа политика в медиадискурсе / З.Р. Хачмафова, Н.В. Погребняк // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. — 2018. — № 4 (227). — С. 112–116.

Поступила в редакцию 25.02.2024 г.

S. Guan

COGNITIVE MODELING IN CONTEMPORARY LINGUISTIC RESEARCH

Cognitive modeling plays a pivotal role in the study of perception, processing, and utilization of language information in contemporary linguistic research. This article discusses the fundamental concepts of "model" and "modeling" as well as the key aspects of the cognitive modeling method. Examples of research are provided where cognitive modeling has been utilized to analyze language changes and decision-making in language use. Cognitive modeling remains a relevant and significant direction of study in linguistics, enriching our understanding of language, its evolution, and its relationship with cognitive processes.

Гуань Шуян

Санкт-Петербургский государственный университет.

Аспирант.

E i

m c

a l

i e

n

Колесова Дарья Владимировна

Кандидат филологических наук.

Санкт-Петербургский государственный университет.

Доцент кафедры русского языка как иностранного.

E-mail: d.kolesova@spbu.ru

o

r

i

c

h

e

s

Key words: model, modeling, cognitive modeling, language changes.
УДК 811.161.1

Н. В. Захарченко © 2024

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Волгоградский государственный университет»
(Научн. рук. — д-р филол. наук, проф. О. А. Горбань)

ВЫРАЖЕНИЕ КОНФЛИКТНЫХ ОТНОШЕНИЙ ГЛАГОЛАМИ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В статье проводится функционально-семантический анализ глаголов *бастовать*, *бойкотировать*, *манифестировать* со значением общественно-политической деятельности в текстах 2010–2020 гг. из Национального корпуса русского языка. Рассматривается семантика глаголов, их употребление в контексте. Выявлены особенности их функционирования при выражении конфликтного взаимодействия между субъектами с учетом сферы описываемых отношений, характера участников, степени интенсивности конфликта.

Ключевые слова: русский язык, лексика, глаголы социальной деятельности, глаголы общественно-политической деятельности, конфликтные отношения.

В современной лингвистике многих исследователей интересует функциональный потенциал лексики языка в разных сферах коммуникации при выражении тех или иных явлений действительности, социальной жизни и т. д. Для выявления этого потенциала ученые выделяют различные лексико-семантические группы (ЛСГ) слов, в частности глаголов, которые составляют особый класс слов, описывающих процессуальные признаки предметов через их действия, состояния, взаимоотношения друг с другом и другие явления. Выделение тех или иных семантических классов слов позволяет, с одной стороны, представить особенности языковой категоризации явлений действительности лексическими средствами, с другой стороны — определить, как репрезентируют эти средства соответствующие фрагменты картины мира в процессе коммуникации.

Так, в работе Р. В. Костициной [4], с опорой на исследования ученых конца XX века и современные процессы в языке, дается семантическая классификация глагольной лексики русского языка, в которой выделяется ЛСГ деятельности и внутри нее — особая подгруппа глаголов профессионально-трудовой деятельности. Глаголы ЛСГ деятельности в различных аспектах были рассмотрены в работах В. И. Харабаевой [10], которая описывает глагольную лексику деятельности в якутском языке; А. В. Подкорытовой [8], рассматривающей конверсные глаголы общественно-политической деятельности с базовыми глаголами *заниматься*, *участвовать* как один из компонентов ЛСГ «социальная деятельность».

Современной лингвистикой, и особенно лингвоконфликтологией, активно исследуются рассматриваемые нами конфликт и конфликтные взаимоотношения. В этом плане интересно исследование А. С. Киндеркнехт [3], которая дает широкий аналитический обзор научной литературы и характеризует основные направления исследования проблемы конфликта в лингвистике за последние 30 с лишним лет. В труде группы ученых Уральского федерального университета, О. А. Михайловой и других [6], рассматриваются речевой конфликт и особенности его проявления, а также речевая агрессия и ее маркеры. Н. Н. Кошкарлова в своей монографии говорит о триаде, которая

образует конфликтный дискурс: «любой конфликт как столкновение интересов порождает речевую агрессию, которая затем воплощается в коммуникативном конфликте, а также в совокупности деструктивных высказываний, развернутых во времени и пространстве» [5, с. 78]. С позиции лексического выражения конфликтного взаимодействия между людьми нами были рассмотрены ЛСГ глаголов эмоционально-оценочных отношений [1] и глаголов поступка и поведения [2].

В настоящей работе проводится анализ ЛСГ глаголов общественно-политической деятельности, которая относится к семантическому полю «Действие и деятельность», подполю «Социальная деятельность»; лексические единицы отобраны из «Толкового словаря русских глаголов» под ред. Л. Г. Бабенко (ТСРГ) [9, с. 389].

В результате анализа словарных дефиниций методом сплошной выборки были выбраны глаголы названной ЛСГ, выражающие конфликтное взаимодействие субъектов. К таким мы относим лексемы: *бастовать*, *бойкотировать* и *манифестировать*.

Рассмотрим подробнее каждую глагольную единицу и определим особенности ее функционирования для выражения конфликтных отношений между людьми. Источником материала послужили тексты 2010–2020 гг. из Национального корпуса русского языка (НКРЯ) [7].

Анализ глагольных единиц строится на характеристике субъекта действия (в том числе особенностях его изображения) и другого субъекта — контрагента; степени интенсивности действия для каждого из глаголов в зависимости от способов деятельности субъекта; сферы, в которой происходит конфликт.

Рассмотрим глагол *бастовать* в контексте выбранной подгруппы. Он означает: «участвовать в стачке, массовом прекращении работы с целью достижения удовлетворения экономических, политических и пр. требований от правительства, руководителей предприятий и пр.» [9, с. 389]. Из определения следует, что основное действие субъекта, вступающего в конфликт, — это прекращение взаимодействия с контрагентом с определенной целью. Отношения, которые глагол *бастовать* называет, преимущественно касаются трудовых отношений между работодателем и работником. Это экономическая сфера деятельности субъектов.

Отметим особенности изображения субъектов конфликтного взаимодействия с глаголом *бастовать*. Здесь субъект, вступающий в конфликт, — это часто представители определенной профессии (учителя, шахтеры, работники общепита и пр.). Главное их требование — это повышение заработной платы или улучшение условий труда. Контрагентами являются люди, занимающие управленческие должности в организациях. Если это такая социальная группа, как, например, студенты, то они выступают за улучшение условий обучения. И их контрагентом являются преподавательский состав или руководство университета. Например: «Студенты Петербургского университета устроили забастовку, как это было модно в начале века, и предъявили ректору свои требования. Занятия прекратились. Среди студентов шло брожение: одни хотели *бастовать*, другие — учиться» [Вадим Баевский. Table-talk // «Знамя», 2011].

В случае, если субъект — это отдельная личность, то конфликтное взаимодействие с его стороны не проявляется открыто, т.к. потенциал его минимален. Например: «Вот и у Меган шансы *бастовать* были невелики, кому протест демонстрировать? Но высказаться хотелось» [М.К. Кантор. Честный англичанин (2011)]. Следовательно, по объективным причинам такой субъект в противостояние не вступает.

Если мы говорим об отношениях государства и отдельных социальных групп, то конфликт приобретает достаточно большую массовость и ведет к преднамеренному нарушению функционирования государственной системы. В подобных контекстах и политическая, и экономическая сферы представлены совместно. Например: «И каждая

из этих социальных групп безо всякого снисхождения выкручивает руки любимому государству. В Израиле *бастуют* все — водители такси, почтовые работники, врачи, *бастуют* электростанции, заводы и министерства. Дело идет и к тому, что начнет *бастовать* армия <...> и часто вовсе не потому, что считают внешнюю политику захватнической и несправедливой, а по причинам экономическим» [Дмитрий Шляпентох. Конец Истории: благословенный Иов // «Сибирские огни», 2013]. В данном примере субъекты показаны обобщенно, как группы людей определенных профессий, несогласных с политикой государства по отношению к ним; названы также причины конфликта. И для воздействия на контрагента (государственные органы) прекращают свою работу и устраивают забастовки. Конфликтность действия также подчеркивается метафорой — «выкручивание рук».

Развитие конфликта определяет ответная реакция контрагента в лице управляющих органов государства, руководства организации и др., которая может быть максимально жесткой, вплоть до физического уничтожения бастующих субъектов, например: «2 октября 1968 года — около 300 бастующих студентов, по данным правозащитников (официально — 30), убито за десять дней до начала Олимпийских игр в Мехико» [И. Н. Виравов. Андрей Вознесенский (2015)].

Отметим особенности наименования субъекта. Он может быть назван прямо (водители, врачи и т. д.) либо метонимически по наименованию места или организации, где происходит конфликтное взаимодействие объединения людей с вышестоящими структурами, например: «Загребский университет продолжит бастовать ...», «... а метро бастовало...». Или субстантивированным причастием, например: «Бастующие требуют поднять им зарплату вдвое...» [Коротко // «Эксперт», 2013]. Глагол *бастовать* в последнем контексте уже не употребляется, но субъект назван причастием от этого глагола, т. е. назван признак субъекта по его действию с сохранением значения конфликтного взаимодействия.

Степень выраженности конфликта зависит от интенсивности действий субъекта, вступающего в забастовку. Высокая степень проявления конфликта наблюдается в случаях, когда субъект — это организованное собрание людей, вышедших на улицы или находящихся на рабочем месте, которые применяют физическую силу или оружие; низкая — когда субъект или объединения субъектов выражают свое недовольство в устной форме или письменно обращаясь к другому субъекту. Например: «...в СССР вам грозит опасность, там бастуют, стреляют» [Алена Браво. Комендантский час для ласточек // «Сибирские огни», 2012], здесь, в неопределенно-личном предложении, обобщенный субъект не назван, однако указано, что дополнительно применяет оружие во время забастовки, чем максимально усиливает проявление конфликта. В другом же примере: «Мы только что вернулись с совещания бастующих по-итальянски медиков. Пять часов сочиняли поправки к трудовому договору, предложенному администрацией. Андрей методично переводил врачам юридический сленг, набрасывал новые формулировки, спокойно управлял настроенными шумной компании» [Ольга Андреева. Человек, которого нельзя называть. Краткий курс борьбы за справедливость // «Русский репортер», 2013], — третья сторона воздействует на конфликтующий субъект и урегулирует его посредством общения.

Таким образом, при употреблении глагола *бастовать* для выражения конфликтных взаимоотношений в текстах описываемые экономическая и политическая сферы проявления конфликта достаточно тесно взаимодействуют.

Глагол *бойкотировать* в исследуемой подгруппе имеет значение «заниматься организацией политического или экономического противостояния учреждению, предприятию, группе людей, государству и т.п.; настойчиво отказываться от каких-л. контактов с ними» [9, с. 389]. Из приведенных определений глагольных значений

следует, что главное различие глаголов *бойкотировать* и *бастовать* заключается в способе достижения целей. Вступая в забастовку, субъект прекращает свою основную деятельность и производит действия, открыто выражающие его недовольство, вступая в том числе и в физическое взаимодействие с контрагентом. Глагол *бойкотировать* характеризует отношения, в которых конфликт проявляется в прекращении взаимодействия или игнорировании контрагента.

Субъектами обозначаемого действия могут быть как отдельная личность, так и объединения людей, как конкретный субъект, так и обобщенный. Например: «Культура отмены — это особая форма поведения пользователей Сети, которые начинают массово *бойкотировать* какую-нибудь публичную личность или выражать своё презрение к ней за непопулярные и/или спорные высказывания и поступки» [Л. В. Феноменова. Истоки культуры отмены в «Нарушенных завещаниях» М. Кундеры (2021)]. Здесь оба субъекта являются обобщенными, однако один из них является единичным, другой — коллективным; указана причина такого поведения — действия одного субъекта не соответствуют ожиданиям другого.

Встречаются случаи, в которых отношение к контрагенту показано через отношение к его идеям, культуре и т. д., например: «Что жалеть, коль на клуб комсомольский Сменял я своих родителей, — Так отживший закон отцовский *Бойкотируем* мы, победители» [Н. Б. Лебина // Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю, 2015]. В контексте обобщенный субъект («мы, победители») противопоставляет себя не другому субъекту, а его убеждениям («закону отцовскому»).

Что касается сфер конфликтного взаимодействия, называемого глаголом *бойкотировать*, то он так же, как и глагол *бастовать*, характеризует социальные и межличностные отношения в политической, экономической и научной сферах.

Степень выражения конфликта, обозначаемого глаголом *бойкотировать*, преимущественно низкая и возрастает только в тех случаях, когда за бойкотом следует физическое воздействие субъекта на контрагента. Например: «“Реакционных” профессоров засвистывали, “захлопывали” <...> или *бойкотировали*, сговорившись не являться на занятия; могли швырнуть в спину моченым яблоком...» [Л. А. Данилкин. Ленин: Пантократор солнечных пылинок (2017)]. Здесь показано, в чем выражается бойкотирование (отказ от посещения лекций), а также называются другие действия, сопровождающие его.

В политической сфере, где наиболее часто возникают описываемые глаголом конфликтные отношения, субъекты — это политические объединения людей (партии, органы государственного управления), которые затрудняют работу других политических объединений или принуждают не поддерживать их политику по определенным вопросам. Например: «Разумеется, Первую думу — Булыгинскую — большевики демонстративно *бойкотировали*; <...> ее разогнали через два с половиной месяца работы» [Л. А. Данилкин. Ленин: Пантократор солнечных пылинок (2017)]. В контексте наречием образа действия («демонстративно бойкотировали») выражена также интенсивность действий субъекта: субъект прекращает взаимодействие с другим с невербальным посылом пренебрежения к нему; результатом таких действий является невозможность и полное прекращение деятельности контрагента.

В редких случаях, когда субъект — это конкретная личность (политический деятель), бойкотирование является одним из способов отстаивания своих интересов и влияние на политический структуры, например: «...он <...> ставивая между собой российский оргкомитет и заграничный — *бойкотировал*, “разгруппировывался”, <...> и, под сурдинку, заставлял тех, до кого мог дотянуться, принимать резолюции, которые

проводили и закрепляли его фракционную политику» [Л. А. Данилкин. Ленин: Пантократор солнечных пылинок (2017)].

Что касается экономической сферы, тут конфликтное взаимоотношение выражается в таком игнорировании одним субъектом результатов деятельности другого (контрагента), при котором последний несет материальные убытки; участники конфликта могут быть единичными или коллективными, конкретными или обобщенными. Так, в следующем контексте описываются взаимоотношения конкретной личности и совокупности людей — руководителя (владельца) организации и его клиентов: «Отец девочки, местный фабрикант, попал в затруднительную финансовую ситуацию — его стали *бойкотировать* вчерашние клиенты» [Острова утопии. Педагогическое и социальное проектирование послевоенной школы (1940–1980-е) (2015)]. Коллективный субъект и контрагент могут быть неопределенными и не называться в контексте, акцент при этом делается на самом конфликтном взаимодействии: «...покупать отечественную продукцию или *бойкотировать* товары, привезенные из стран, которые установили экономические санкции в отношении нашей страны» [А. М. Дружинин. Интернет-коммуникации в гражданском обществе: методологический анализ // «Информационное общество», 2017], здесь под товарами метонимически подразумеваются их производители.

В сфере научно-образовательной деятельности субъектами выступают студенты и преподавательский состав либо руководство учебного заведения, чаще всего указана конкретная причина такого поведения. Например: «Студенты договорились *бойкотировать* — из протеста против нового устава — как само мероприятие, так и текущие лекции» [Л. А. Данилкин. Ленин: Пантократор солнечных пылинок (2017)].

Глагол *бойкотировать* довольно редко употребляется для описания отношений в сфере межличностных отношений конкретных, единичных субъектов. В следующем контексте бойкотирование — это выражение недовольства одного субъекта действиями другого и прекращение контакта к ним, названа и причина конфликта (поступок лица, выступающего в роли контрагента): «Эта последняя выходка Андрея — уже ни в какие ворота, постановили мы с Людой и стали *бойкотировать* Тимченова» [Марина Акимова. Тимченов в кубе // «Сибирские огни», 2013]

Нами был выделен еще один глагол в подгруппе общественно-политических отношений — *манифестировать*, однако анализ контекстов 2010–2020 гг. из НКРЯ показал, что в значении «участвовать в массовых уличных шествиях для выражения солидарности или протеста» [9, с. 390] данная глагольная единица не встречается.

Подводя итоги вышесказанному, отметим, что глаголы общественно-политической деятельности *бастовать* и *бойкотировать* активно функционируют в современной речи для выражения конфликтного взаимодействия, в отличие от глагола *манифестировать*. Степень выражения противоречий выше у глагола *бастовать*, т. к. для него больше всего характерно название отношений с физическим воздействием субъектов друг на друга. Субъектами преимущественно являются объединения людей определенной социальной или политической группы. Если для глагола *бастовать* предпочтительно обозначение взаимоотношений в экономической сфере употребления, то для глагола *бойкотировать* — в политической. При этом каждая глагольная единица в разной форме ясно выражает противодействие субъектов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Захарченко Н. В. Выражение конфликтных отношений глаголами *конфликтовать* и *враждовать* в современном русском языке / Н. В. Захарченко, О. А. Горбань // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Филологические науки. — 2021. — № 5 (158). — С. 79–86.

2. Захарченко Н. В. Употребление глаголов поступка и поведения для выражения конфликтных отношений в современном русском языке / Н. В. Захарченко // Новые горизонты русистики. — 2022. — № 17. — С. 125.
3. Киндеркнехт А. С. Конфликт в исследованиях по лингвистике / А. С. Киндеркнехт // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 1. — С. 45—68. — DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-1-45-68>. (дата обращения: 10.03.2024).
4. Костицина Р. В. Новый проект семантической классификации глагольной лексики русского языка [Электронный ресурс] / Р. В. Костицина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2023. — Том 16. Выпуск 8. — Режим доступа: <https://philologyjournal.ru/article/phil20230406/fulltext> (дата обращения: 10.03.2024).
5. Кошкарлова Н. Н. Конфликтный и кооперативный типы дискурса в межкультурном политическом пространстве / Н. Н. Кошкарлова. — Челябинск: Библиотека А. Миллера, 2021. — 360 с.
6. Михайлова О. А. Речевой конфликт и коммуникативные сценарии его гармонизации / О. А. Михайлова, Ю. Н. Михайлова, И. В. Шалина ; под общ. ред. О. А. Михайловой. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2022. — 136 с.
7. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения 04.03.2024).
8. Подкорытова А. В. Ономазиологическая структура конверсных глаголов: ЛСГ «Социальная деятельность» / А. В. Подкорытова // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2023. — № 210. — С. 293–301.
9. Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / под ред. проф. Л. Г. Бабенко. — М.: АСТ-ПРЕСС, 1999. — 704 с.
10. Харабаева В. И. Лексико-семантические группы глаголов действия и деятельности в якутском языке [Электронный ресурс] / В.И. Харабаева // Мир науки. Социология, филология, культурология. — 2021. — № 3. — Режим доступа: <https://sfk-mn.ru/PDF/02FLSK321.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ.

Поступила в редакцию 18.03.2024 г.

N. V. Zakharchenko

THE EXPRESSION OF CONFLICT RELATIONS BY VERBS OF SOCIO-POLITICAL ACTIVITY IN MODERN RUSSIAN

The article deals with a functional and semantic analysis of the verbs *to strike*, *boycott*, *demonstrate* with the meaning of social-political activity in the texts of 2010–2020 from the National Corpus of the Russian language. The semantics of verbs and their use in context are considered. The peculiarities of their functioning in the expression of conflict interaction between subjects are revealed, taking into account the field of the described relations, the nature of the participants, and the degree of intensity of the conflict.

Key words: *Russian language, lexics, verbs of social activity, verbs of socio-political activity, conflict relations.*

Захарченко Наталия Владимировна.

Волгоградский государственный университет,
г. Волгоград, Российская Федерация.

Соискатель кафедры русской филологии и журналистики.

E-mail: nataliya90sv@mail.ru.

Zakharchenko Nataliia Vladimirovna.

Volgograd State University, Volgograd, RF.

Applicant for a degree of the Department of Russian Philology and Journalism.

E-mail: nataliya90sv@mail.ru.

Горбань Оксана Анатольевна.

Доктор филологических наук, профессор.

Волгоградский государственный университет,
г. Волгоград, РФ.

Профессор кафедры русской филологии и журналистики.

E-mail: oa_gorban@volsu.ru

Gorban Oksana Anatolyevna.

Doctor of Philology, Professor.

Volgograd State University,
Volgograd, RF.

Professor of the Department of Russian Philology and Journalism.

E-mail: oa_gorban@volsu.ru

ОБРАЗ ДЖИННА В РЕКЛАМНЫХ МАТЕРИАЛАХ

В статье рассматриваются образы джиннов, используемых в рекламных роликах, посвящённым препаратам «Отривин», «Гастал», газированному напитку «Mirinda». Актуальность выбранной темы обусловлена не только ростом интереса к восточной мифологии и культуре, но и в умении применять её в рекламах для стимулирования спроса на товары и услуги. Образ джинна, обладающий богатой историей и важным местом в культуре различных народов, представляет собой ценный ресурс для рекламных стратегий, способных создать эмоциональную связь с потребителями.

Ключевые слова: образ джинна, рекламные материалы, видеоролики, мифы.

Реклама есть способ продажи товара, она создаёт положительный образ компании. Для привлечения внимания целевой аудитории необходимо вызывать у неё эмоциональную реакцию. Этого можно достичь, если обращаться к самым глубинам подсознания человека — мифологическим образам. Реклама, созданная на основе архетипического образа, воспринимается потребителем лояльнее, происходит это за счет воздействия на его бессознательное [1]. Именно поэтому рекламисты часто обращаются в поиске материала к мифам разных культур.

В данной статье мы проанализируем образы джиннов, используемых в рекламных материалах. Актуальность выбранной темы обусловлена не только ростом интереса к восточной мифологии и культуре, но и в умении применять её в рекламах для стимулирования спроса на товары и услуги. Образ джинна, обладающий богатой историей и важным местом в культуре различных народов, представляет собой ценный ресурс для рекламных стратегий, способных создать эмоциональную связь с потребителями.

В первую очередь рассмотрим понятие «мифы». С точки зрения русского философа А. Ф. Лосева, «миф для мифического сознания есть наивысшая по своей конкретности, максимально интенсивная и в величайшей мере напряженная реальность. Это не выдумка, но наиболее яркая и самая подлинная действительность» [2].

Отсюда можно заключить, что миф — это, прежде всего, эмоциональное отражение человеком окружающей действительности, и эти представления дошли до современного человека через образы и символы в многочисленных преданиях и рассказах. Эти образы используют специалисты по рекламе и связям с общественностью, добиваясь тем самым от людей определенного поведения. «За каждым коротким роликом, показываемым по телевидению, стоит команда профессионалов, которые зачастую замещают реальные характеристики товара архетипическим отражением реальности» [3].

Один из древнейших мифологических образов — джинн. В энциклопедическом словаре указано, что слово «джинн» пришло в русский язык из арабского и его буквальный перевод — «дух». Также отмечается, что по Корану — это фантастическое существо из «чистого» (бездымного) огня, сотворенное Аллахом, и что вера в джиннов как в стихийных духов природы существовала в доисламской арабской мифологии.

М. Б. Пиотровский объясняет, чем джинны в арабской мифологии отличаются от представлений Корана об этих существах. Он приводит примеры верований, где джинны — существа, враждебно настроенные по отношению к человеку [4].

Нармин Рамиз Кызы Бабаева в своей статье «Этимологическая семантика образов Хал и Джинн» раскрывает многозначность образа джинна в азербайджанском фольклоре (поверьях, сказках, легендах).

Во-первых, джинны в народных представлениях — это силы зла, которые наносят вред людям. Они разумны, как и люди, но для человеческого глаза невидимы. Как только джинн видит человека в уединенном месте, тотчас он расставляет ловушки: принимает человеческий облик, организует веселье и старается вовлечь его туда.

Во-вторых, джинны — это «превосходные музыканты» [5]. Они первые создали музыку, а не люди. Люди научились музыке, когда один человек — первопредок «украл» у джинов умение исполнять музыку и танцевать.

В-третьих, джинны — маги, они обладают такой волшебной силой, что способны заставить человека работать на себя.

В-четвёртых, джинны — это обманщики, они не верны клятвам, и людям, которые освобождают их от заклятия. Мифологические тексты о джиннах как раз и учат людей, как обращаться с ними [5].

В массовой культуре постепенно меняется образ джинна. Современным людям знаком образ джинна как доброго духа, живущего в кувшине или в лампе и исполняющего желания человека (экранизации про Аладдина или Старика Хоттабыча). В серии детских фэнтезийных романов «Дети лампы», написанных английским писателем Ф. Б. Керром, чудеса творят представители не только злых джинов, но и добрых.

Итак, атрибуты джинов могут включать в себя их способность к трансформации, невидимости, левитации, контролю над элементами и другим сверхъестественным явлениям. Они могут предстать в виде огненного пламени или животных, существами, обладающими необычными и чудесными способностями. Специалисты по рекламе используют образ джинов из мифов и художественных произведений, создавая различные рекламные слоганы и видеоролики, взяв всю невероятную магическую особенность, атрибутику и специфику этого персонажа [6].

Есть определённые характеристики образа джина, которые используются в рекламах, например:

- визуальные аспекты: характерные черты визуального образа джинна включают традиционный внешний вид с тюрбаном, телесный цвет и лампу с дымом. Яркие цвета и воздушные элементы создают впечатление легкости и волшебства.

- вербальные аспекты: слоганы и диалоги джинна в рекламе направлены на создание ассоциаций с исполнением желаний и подчёркивают преимущества продукта или бренда. Магические фразы и символы дополняют образ джинна.

- совокупность визуальных и вербальных аспектов: вместе эти элементы создают многогранный образ джинна, который вызывает положительные эмоции, ассоциируется с возможностью достижения желаемого результата и подчёркивает уникальные характеристики продукта.

Технологии использования образа джинна в рекламных материалах дают возможность оживить этот символический персонаж и привлечь внимание аудитории. Спецэффекты, компьютерная графика и анимация помогают создать впечатляющие образы джинов, которые передают истории о ценностях, моральных выборах и человеческом опыте, что помогает рассказывать истории о человеческих стремлениях, делая рекламные материалы более привлекательными и запоминающимися [7].

Приведём примеры рекламных роликов, посвящённых препаратам «Отривин», «Гастал», газированному напитку «Mirinda», в которых используются различные мифологические образы джинов.

Рекламный ролик газированного напитка «Mirinda» компании «Pepsi», известного производителя безалкогольных напитков [8]. В данном ролике представлен

сюжет, в котором Синдбад и воины сражаются против своих врагов. Один из воинов предлагает Синдбаду потерять волшебную лампу и вызвать джинна на помощь. Однако, вместо оказания помощи, джинн веселится на вечеринке и пьет газированный напиток. В результате, войско терпит поражение.

Анализируя смысл данного ролика, можно сделать вывод, что передаваемое аудитории послание состоит в том, что джинн, известный своей способностью исполнять желания людей, решил сам исполнить свое собственное желание и насладиться веселой компанией, употребляя продвигаемый напиток. Компания «Pepsi» намекает на то, что иногда собственное наслаждение жизнью может быть важнее, чем реализация желаний других людей, и употребление «Mirinda» может добавить счастье в жизнь человека. Джинн предстаёт в образе весельчака, который наслаждается жизнью и советует другим людям делать то же самое.

Основными атрибутами джинна в этом рекламном ролике является волшебная лампа — символ волшебства и богатства, а также тюрбан апельсинового цвета, что помогает вызвать ассоциации исполнения желания выпить волшебный напиток «Mirinda».

Рекламный ролик, посвященный препарату «Отривин» компании «Новартис Консьюмер Хелс» [9]. В рекламном ролике девушка обращается к джинну по имени «Отривин», просит исполнить три своих желания, связанных с устранением заложенности носа. Голос джинна перечисляет три характеристики этих капель, которые помогают справиться с заложенностью. В результате девушка начинает свободно дышать и наслаждаться жизнью.

В данной рекламе волшебным атрибутом выступает лампа, которая представлена в виде флакона с каплями. Также волшебное атмосферное настроение создается с помощью эффекта дыма и использования магических фраз, связанных с исполнением желаний. Все эти элементы подчеркивают преимущества и возможности препарата.

Несомненно, образ джина является знаковым элементом в рекламе, привлекающим внимание и вызывающим интерес у потребителей.

Рекламный ролик, посвящённый препарату «Гастал» компании «Teva» [10]. «Гастал» — лекарственное средство от изжоги, боли и тяжести в желудке. Создатели ролика используют формулу компании: «Три действия Гастала, чтобы изжоги не стало!». По сюжету джинн — это мальчик. Он изображает джинна и обещает отцу по методу трёх свойств лекарства исполнить его желания. Восточные мотивы прослеживаются в самом намёке на присутствие джинна в простом мальчике. Это помогает легко ассоциировать мифы и реальность в восприятии медицинского препарата.

Итак, можно сделать заключение, что образ джинна в рекламе — это многогранный персонаж, который призван вызывать положительные эмоции у потребителей, и ассоциируется с достижением желаемого результата и уникальными характеристиками продукта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Геращенко Л. Л. Психоанализ и реклама / Л. Л. Геращенко. — М.: Дианрамма, 2006. — 96 с.
2. Лосев А. Ф. Диалектика мифа / А. Ф. Лосев. — М.: Правда, 1990. — 429 с. URL: www.litmir.me/bg/?b=61871&p=1 (Дата обращения: 03.03.2024).
3. Давыдова А. Б. Использование мифов и архетипов в рекламе / А. Б. Давыдова. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2022. — № 25 (420). — С. 412-414. — URL: <https://moluch.ru/archive/420/93574/> (Дата обращения: 12.03.2024).
4. Пиотровский М. П. Очерк «Джинн» / М. П. Пиотровский // Мифы народов мира. В 2-х томах. Том 1. — Москва: Советская энциклопедия, 1980. — С. 374 (Дата обращения: 03.03.2024).
5. Нармин Рамиз Кызы Бабаева Этимологическая семантика образов Хал и Джинн / Нармин Рамиз Кызы Бабаева // Colloquium-journal. — 2022. — С. 47-52. — <https://cyberleninka.ru/article/n/etiologicheskaya-semantika-obrazov-hal-i-dzhinn> (Дата обращения: 03.03.2024).

6. Трофимова К. П. Невидимые соседи и видимое соседство: джинны и люди в мусульманских культурах (введение к специальной теме номера) / К. П. Трофимова, А. А. Ярлыкапов // Сибирские исторические исследования. — 2022. — № 3. — С. 6–13. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nevidimye-sosedi-i-vidimoe-sosedstvo-dzhinny-i-lyudi-v-musulmanskih-kulturah-vvedenie-k-spetsialnoy-teme-nomera> (дата обращения: 12.09.2024).
7. Петерсон Э. Как менялся образ Джинна в мифологии массовой культуре / Э. Петерсон. — URL: <https://ddf.ru/read/2132019-kak-menyalsya-obraz-dzhinna-v-mifologii-i-massovoj-kulture> (Дата обращения: 03.03.2024).
8. Реклама Mirinda с джинном. — URL: https://www.youtube.com/watch?v=YBMfGB5J_cw (Дата обращения: 03.03.2024).
9. Реклама капль Отривин. — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=1aqp7RcfrI> (Дата обращения: 03.03.2024).
10. Рекламный ролик препарата «Гастал» — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=UZh1a3Z2YCY> (Дата обращения: 03.03.2024).

Поступила в редакцию 22.03.2024 г.

A. Y. Sventitskiy

THE IMAGE OF THE GENIE IN ADVERTISING MATERIALS

The article examines the images of genies used in commercials dedicated to the drugs Otrivin, Gastal, and the carbonated drink Mirinda. The relevance of the chosen topic is due not only to the growing interest in Eastern mythology and culture, but also to the ability to apply it in advertising to stimulate demand for goods and services. With a rich history and an important place in various cultures, the image of the genie represents a valuable resource for advertising strategies that can create an emotional connection with consumers.

Key words: *image of a genie, promotional materials, videos, myths.*

Свентицкий Артемий Юрьевич.

СибГУ им М. Ф. Решетнёва,

г. Красноярск, РФ.

Студент.

E-mail: artem.sventitskiy@mail.ru

Sventitskiy Artemiy Yurievich.

Reshetnev University, Krasnoyarsk, RF.

Student.

E-mail: artem.sventitskiy@mail.ru

Герасимова Татьяна Юрьевна

Кандидат педагогических наук.

СибГУ им М.Ф. Решетнёва,

г. Красноярск, РФ.

Доцент кафедры общественных связей.

E-mail: lada.ger@yandex.com

Gerasimova Tatyana Yurievna.

Candidate of Pedagogic Sciences.

Reshetnev University, Krasnoyarsk, RF.

Associate Professor of the public relations department.

E-mail: lada.ger@yandex.com

Методика преподавания русского языка

УДК 372.46

Е. А. Бондарь © 2024

*Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Донецкий государственный университет»
(Науч. рук. — ст. препод. Т. П. Плахтий)*

ИГРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА В НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЕ

В данной статье актуализируется проблема использования игровых технологий на уроках русского языка в качестве средства активизации познавательной деятельности младших школьников. Автор анализирует роль дидактических игр в образовательном процессе, их влияние на усвоение лексического материала, развитие коммуникативных навыков и повышение мотивации учеников начальных классов к освоению лингвистических знаний. В статье доказывается, что применение лингвистических игр на уроках русского языка не только повышает эффективность обучения, но и развивает творческое мышление учащихся, формирует положительное отношение детей к учебным занятиям. Обращено внимание на важность интеграции игровых технологий в образовательную практику начальной школы, поскольку данный процесс способствует достижению оптимальных результатов при формировании лексической грамотности учащихся.

Ключевые слова: познавательная деятельность, мотивация, игровая технология, дидактическая игра, лексическая грамотность, младший школьник.

Одной из важнейших проблем педагогики является проблема активизации познавательной деятельности школьников, о чем свидетельствуют публикации таких авторов как А. М. Анищенко, С. Ю. Диденко, В. А. Черкасов [3], Л. А. Сорокина [13], Л. В. Кулумбегова [7] и др. Познавательный интерес и познавательная деятельность могут быть выражены у младших школьников в разной мере. Поэтому задача педагога начальной школы состоит в том, чтобы повысить степень познавательного интереса к освоению языка, создать условия для активизации познавательной деятельности, сформировать позитивный настрой к обучению, воспитать у учащихся самостоятельность, работоспособность, правильную мотивацию.

Дидактические игры лингвистического характера на уроках русского языка помогают привить младшим школьникам любовь и интерес к русскому языку. Систематическое использование игровых технологий позволяет активизировать познавательную деятельность учащихся, дает возможность учителям разнообразить учебную программу начальной школы, сделать уроки русского языка яркими и эмоциональными.

Целью данной статьи является исследование проблемы активизации познавательной деятельности младших школьников на уроках русского языка средствами дидактической игры. Цель статьи обуславливает основные задачи: рассмотреть эффективные способы активизации познавательной деятельности младших школьников; проанализировать специфику лингвистических игр, применяемых на уроках русского языка в начальной школе.

Актуальность исследования заключается в недостаточной изученности игровых приёмов как средства активизации познавательной деятельности младших школьников. Педагог начальной школы нередко сталкивается с низким уровнем познавательного интереса у школьников к учебным дисциплинам. Когда у детей нет особого желания к активной деятельности, учителю необходимо искать всевозможные методы и приемы

стимулирования активности младших школьников. Для достижения этой цели в педагогике применяются различные средства актуализации учебного процесса.

Направить активность учащихся на учебный процесс весьма проблематично. Как указывает Л. В. Калумбегова, «... Активизация познавательной деятельности учащихся без развития познавательного интереса не только трудна, но практически и невозможна» [7]. Для достижения этой цели в педагогике применяются различные средства мотивационного характера. Если педагогу удастся активизировать учащихся к постижению новых знаний, тогда существенно повышается эффективность учебно-познавательной работы.

По мнению О. А. Козловой «... активизация деятельности учащихся на уроке — одно из основных направлений совершенствования учебно-воспитательного процесса в школе. Сознательное и прочное усвоение знаний учащихся проходит в процессе их активной умственной деятельности. Поэтому работу следует организовывать на каждом уроке так, чтобы учебный материал становился предметом активных действий ученика» [5, с. 37]. Е. В. Ульянова отмечает: «активизировать познавательную деятельность — значит, привести учащихся в состояние активности в обучении» [14, с. 18]. Уровень взаимодействия младших школьников с учебным предметом и их готовность к выполнению учебных заданий определяется прежде всего активностью, проявляемой ими в процессе обучения русскому языку.

Одним из возможных средств активизации познавательной деятельности учащихся начальной школы является игра, поскольку она необходима для психологического и интеллектуального развития. Л. П. Аристова указывает: «Игры активизируют мышление учащихся и помогают сделать процесс обучения привлекательным и интересным. Игра создает ощущение радости и счастья, мотивирует учащихся, обогащает их впечатления, помогает избежать назойливых назиданий и создает дружескую атмосферу среди школьников... Игра помогает постоянно расширять знания. Она также должна быть средством для полноценного развития ребенка, его способности вызывать радостные эмоции и наполнять жизнь маленьких учеников интересным содержанием» [4, с. 84]. То есть игры во время обучения выступают эффективным методом привлечения внимания детей и укрепления их познавательной активности. Они позволяют учащимся легче усваивать новый материал, применять знания на практике и развивать логическое мышление. Внедрение игровых технологий на уроках русского языка в определенной степени помогает решить ряд проблем, связанных с запоминанием учебного материала, закреплением и эмоциональным осознанием его значимости, что, несомненно, способствует развитию познавательного интереса к учебному предмету.

Как отмечается в педагогическом словаре: «Педагогическая технология — четко выстроенная система педагогических методов, сочетающихся между собой и направленных на реализацию достижимых целей» [10, с. 267]. Основными характеристиками педагогической технологии являются воспроизводимость действий, ясность и достижимость целей, а также возможность диагностирования результатов.

Согласно Т. М. Михайленко, понятие «игровые технологии» включает в себя группу различных методов, приемов, а также способов организации процесса обучения с использованием различных педагогических игр [9, с. 145]. Одной из основных форм образовательной игры является дидактическая игра, имеющая определенные цели. Игровые технологии являются уникальными средствами обучения, они делают работу учащихся на творческом и поисковом уровнях интересной и увлекательной.

В современных исследованиях отмечается, что «... Игровые технологии позволяют сформировать наблюдательность, внимательность, инициативность, самостоятельность, развивают уверенность у ребенка» [1, с. 185]. Занимательность условного мира игр делает монотонную деятельность по запоминанию, повторению, закреплению или

усвоению информации эмоционально активной, а эмоциональность игровых действий активизирует все процессы и функции психики ребенка. Еще одним положительным аспектом игры является то, что она способствует использованию знаний в новой ситуации. Таким образом, усваиваемые учащимися материалы становятся своего рода практикой, которая приносит разнообразие и интерес в процесс обучения на уроках русского языка в начальной школе.

Как отмечает Г. К. Селевко: «Главным отличием педагогических игр от обычных игр является наличие четкой цели обучения и результат поставленной задачи, а главное игровые технологии характеризуются познавательной направленностью» [13, с. 40]. Игровая технология нацелена на то, чтобы научить учащихся распознавать свою учебную мотивацию, поведение в играх и жизни, то есть формировать цели и планы самостоятельной деятельности и прогнозировать их непосредственные результаты. Постепенное осознание мотивации к личной деятельности дает игроку сильное чувство личной заинтересованности и стабильное желание завершить начатую работу. Особенностью игровых технологий является то, что, как правило, положительные результаты игры, которых достигли младшие школьники на уроке, мотивируют к повторению действий, к новому воспроизведению игровой ситуации.

Для формирования всесторонней положительной учебной мотивации необходима целенаправленная работа. Одно из важных мест занимают дидактические игры, целью которых является, как указывает В. В. Чухарева, «активное развитие учебной деятельности и учебных задач» [16, с. 68]. То есть, когда дети включаются в игровую ситуацию, их интерес к учебной деятельности значительно возрастает, а также повышается их трудоспособность. Такой подход к обучению через игры не только способствует формированию учебной мотивации, но и развивает социальные навыки, адаптивные способности и творческое мышление учащихся начальной школы.

Как отмечает И. А. Лыкова: «Дидактическая игра — это образовательная деятельность в форме развивающих игр, в которой реализуется принцип активного обучения» [8, с. 33]. Дидактическая игра имеет определенные правила, структуру и систему оценивания результатов учебной игровой деятельности. Главная особенность дидактической игры заключается в том, что в этой игре есть две задачи. Одна из задач — это обучающая, которая скрыта от ученика, и ребенок не подозревает о ее существовании. Вторая задача дидактической игры имеет развивающий характер и заключается в необходимости ее реализации игрового процесса.

Формирование лексической грамотности детей является одним из основных направлений преподавания русского языка. Дидактическая игра — это специально разработанная образовательная игра, которая стимулирует активность и интересы учащихся и способствует усвоению лингвистических знаний. Являясь эффективной формой обучения, дидактические игры не только способствуют становлению словарной грамотности, но и развитию у детей коммуникативных навыков, творческого мышления и социальной активности.

Лексическая грамотность, как указывает А. Д. Алфёрова, «... это умения, связанные с обогащением, уточнением, активизацией словарного запаса учащихся, а также с устранением нелитературных слов» [2, с. 375]. Способность младших школьников правильно выражать свои мысли устно и письменно в первую очередь зависит от словарного запаса, уровня речевого развития, который обеспечивает условия для работы с личным лексиконом.

Активизации познавательной деятельности младших школьников способствует применение коммуникативно-деятельностного подхода. Использование лингвистических игр позволяет учащимся проявить самостоятельность при решении речевых задач, обеспечивает естественное многократное повторение языкового

материала. Лексические игры помогают расширить словарный запас учеников, фонетические игры корректируют их произношение, а орфографические игры способствуют овладению навыками правильного написания слов.

Интересен педагогический опыт по изучению непроверяемых написаний слов, описанный в методике Д. В. Колесовой и А. А. Харитоновой [6]. Методика опирается на результаты диагностики особенностей памяти младших школьников. Авторы указанной методики предлагают использовать игровые приемы, что позволяет учителям создать гибкую систему мотивации и облегчить процесс усвоения трудных слов. Так, например, в лингвистической игре «Снежный ком» учащиеся называют слова, относящиеся к изучаемой теме, при этом каждый следующий участник должен повторить все слова, которые были названы до него.

Методика работы Н. Л. Проценко [12] включает в себя игру под названием «Шифровальщики». Суть этой лингвистической игры заключается в установлении соответствия между графическим обликом слова и его лексическим значением. Игра проводится по принципу парного противостояния, где один игрок загадывает слово и шифрует его, а другие участники пытаются разгадать словосочетания и предложения. Однако, помимо отгадывания слов, участникам предстоит также выбрать лишнее слово из каждой группы. Например, в задании даны буквосочетания «спрятанных» слов *аалтрек, лажок, раукжк, зоонкв (тарелка, ложка, кружка, звонок)*, а отгадывающий должен определить лишнее слово («звонок»). Эта игра позволяет ученикам развивать навыки логического анализа и синтеза. Таким образом, в опыте работы Н. Л. Проценко основной упор делается на формирование учениками логических умений и способностей, а также на расширение детского лексикона путем сопоставления различных семантических значений как отдельных слов, так и лексем, образующих тематические группы.

В работе Е. Н. Яковлевой [17] была предложена дидактическая игра «Убери лишний вагон» (программная тема «Состав слова»). Цель игры — сформировать умение анализировать состав слов и сравнивать слова, входящие в различные тематические группы. Для игры учащиеся делятся на три группы, у каждой группы есть свой дидактический материал (словарный «поезд»). «Поезд № 1» состоит из слов *забег, заплыв, закон, запуск*. «Поезд № 2» из слов *чайник, кофейник, молочник, веник*. «Поезд № 3» — из слов *посмотреть, победить, подумать, погрузить*. Задача учащихся состоит в том, чтобы найти слово, которое является лишним из предложенного ряда. Чтобы сделать это, ученики должны запомнить состав слова, разобрать каждое слово по составу. У учащихся формируются познавательные навыки: они сравнивают, анализируют словарный материал, а затем делают выводы. Также в игре формируется такое познавательное действие, как осознанное и произвольное построение речевого высказывания в устной форме.

Можно сделать вывод, что игровая технология — это деятельность, направленная на воссоздание и усвоение общественного опыта, в ходе которой развивается и совершенствуется самоуправление поведением. Она включает в себя последовательные игры и упражнения для формирования способности распознавать основные характеристики объекта и сравнивать их; группы игр на обобщение предметов по определенным признакам; группы игр, в процессе которых у младших школьников развивается умение отличать реальные явления от нереальных; группы игр, воспитывающих умение владеть собой, быстроту реакции на слово, фонематический слух смекалку и др. При этом сюжет игры развивается параллельно с основным содержанием обучения, что помогает активизировать образовательный процесс и освоить некоторые образовательные элементы. Составление игровой технологии из отдельных игр и элементов — задача каждого учителя начальной школы.

Таким образом, игровые технологии позволяют создать благоприятные условия для приобретения знаний по русскому языку, обеспечивая при этом легкое усвоение материалов, что является способом познания мира, формирующим высокоразвитую личность. Лингвистические игры позволяют младшим школьникам легко и непринужденно овладеть навыками работы с языковым материалом, а также могут помочь осмысленно применять полученные знания и навыки в речевой практике.

Ценность дидактических игр заключается в том, что они способствуют снятию напряжения и страха при письме у детей, чувствующих свою собственную несостоятельность в лексической деятельности, и созданию положительного эмоционального настроения в ходе урока. Дидактические игры способствуют более эффективному овладению младшими школьниками словарным запасом, улучшению навыков письма, развитию связной речи, лексической грамотности, необходимой для понимания учебных и художественных текстов. Игровые ситуации активизируют интеллектуальные способности учащихся, развивают внимание и усидчивость, а также помогают сформировать социальные навыки, такие как сотрудничество, коммуникация и взаимодействие.

Повышение лексической грамотности у младших школьников на уроках русского языка является важной задачей для педагогов начальной школы. Этот процесс требует особого подхода, включающего в себя разнообразные методы и техники обучения. Именно поэтому актуальным является вопрос качественной профессиональной подготовки будущих учителей. Решению этой задачи способствует включение в учебный план педагогических вузов учебной ознакомительной практики, в ходе которой в «... интерактивной форме проводилась работа по расширению лексикона будущего педагога» [11 с. 110]. То есть, будущие учителя начальных классов, на практике освоившие методы интерактивного обучения, приемы и формы работы с лингвистическими единицами различных уровней, в дальнейшем успешно смогут реализовать весь этот методический арсенал в своей работе с учащимися начальной школы.

Практическое применение дидактических игр на уроке русского языка включает использование разнообразных игровых средств, таких как кроссворды, игровые карточки, различные виды словарей. Эти средства помогают сделать обучение интересным, интерактивным и привлекательным для учащихся, а также помогают усваивать словарный материал на более глубоком уровне.

Перспективы дальнейших исследований в области применения игровых технологий включают более углубленное изучение различных игровых методов обучения русскому языку, их влияния на формирование словарной грамотности и развитие языковых навыков младших школьников. Для получения высоких результатов обучения важно рассмотреть проблему адаптации игровых технологий к конкретным возрастным группам и личностным особенностям учащихся начальной школы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алешугина Е. А. Проектирование индивидуальных траекторий обучения с использованием онлайн-курсов / Е. А. Алешугина, О.И. Ваганова, М.М. Кутепов // Балтийский гуманитарный журнал, 2019. — Т. 8. — № 1 (26). — С. 185–187.
2. Алферов А. Д. Психология развития школьника / А.Д. Алферов. — СМ Ростов н/Д: Феникс, 2017. — 384 с.
3. Анищенко А. М. Активизация познавательной деятельности младших школьников на уроках русского языка / А.М. Анищенко, С.Ю. Диденко, В.А. Черкасов // Педагогика сегодня: проблемы и решения: материалы Междунар. науч. конф. (г. Чита, апрель 2017 г.). — Чита: Издательство «Молодой ученый», 2017. — С. 82–83.
4. Аристова Л. П. Активность учения школьника / Л. П. Аристова. — М.: Просвещение, 2013. — 139 с.
5. Козлова О. А. Роль современных дидактических игр в развитии познавательных интересов и способностей младших школьников / О. А. Козлова. — М.: Начальная школа, 2015. — № 11. — С. 37–38.

6. Колесова Д. Игра слов. Во что и как играть на уроке русского языка / Д. Колесова, А. Харитонов. — М.: Златоуст, 2022. — 152 с.
7. Кулумбегова Л. В. Игровые приемы как средство активизации познавательной деятельности младших школьников на уроках русского языка / Л. В. Кулумбегова // Инновационная наука. — 2018. №10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/igrovye-priemy-kak-sredstvo-aktivizatsii-poznavatelnoy-deyatelnosti-mladshih-shkolnikov-na-urokah-russkogo-yazyka> (дата обращения: 10.02.2024).
8. Лыкова И.А. Дидактические игры и занятия / И. А. Лыкова. — Москва: Карагуз: Сфера, 2017. — 288 с.
9. Михайленко Т. М. Игровые технологии как вид педагогических технологий / Т. М. Михайленко // Педагогика: традиции и инновации. — Челябинск : Два комсомольца, 2019. — С. 145-168.
10. Педагогический словарь: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / под ред. В. И. Загвязинского. — М.: Издательский дом «Академия», 2008. — 352 с.
11. Плахтий Т. П. Использование методов интерактивного обучения в профессиональной подготовке будущих педагогов / Т. П. Плахтий // Русский язык в поликультурном мире. Сборник научных статей VI Международного симпозиума (8 — 12 июня 2022 г.). В 2-х томах. — Т. 2. Редколлегия: И. П. Зайцева, Е. М. Маркова, Т. С. Чабаненко, Е. М. Шахова [и др.]. Симферополь, 2022 — 300 с; С. 109–114.
12. Проценко Н. Л. Дидактические игры на уроках русского языка» из опыта работы учителя / Н. Д. Проценко — 2013. [Электронный ресурс]. URL: <https://nsportal.ru/nachalnayashkola/russkii-yazyk/2013/11/29/didakticheskie-igry-na-urokakh-russkogoyazyka-iz-opyta> (дата обращения 10.02.2024).
13. Селевко Г. К. Педагогические технологии на основе активизации, интенсификации и эффективности управления УВП / Г. К. Селевко. — М.: НИИ школьных технологий, 2019. — С. 40–50.
14. Сорокина Л. А. Средства, активизирующие познавательную деятельность школьников и повышающие их умственную работоспособность / Л. А. Сорокина // Образование и наука. — 2018. — № 2. — С. 25–26.
15. Степанова О. А. Дидактические игры на уроках в начальной школе: методическое пособие / О. А. Степанова, О. А. Рызде. — М.: ТЦ Сфера, 2015. — 96 с.
16. Чухарева В.В. Дидактическая игра в формировании мотивации к учебной деятельности / В. В. Чухарева // Начальная школа. — 2013. — №9. — С. 67–71.
17. Яковлева Е. Н. Обобщение опыта по теме «Формирование познавательного интереса у школьников на уроках русского языка с опорой на педагогические условия организации и проведения дидактических игр как средства обучения» / Е. Н. Яковлева. — 2015 [Электронный ресурс]. URL: <https://nsportal.ru/nachalnayashkola/obshchepedagogicheskie-tekhnologii/2015/12/03/obobshchenie-opyta-poteme> (дата обращения 10.02.2024).

Поступила в редакцию 23.01.2024 г.

E. A. Bondar

GAME TECHNOLOGIES IN RUSSIAN LANGUAGE LESSONS IN ELEMENTARY SCHOOL

This article actualizes the problem of using gaming technologies in Russian language lessons as a means of activating the cognitive activity of younger schoolchildren. The author analyzes the role of didactic games in the educational process, their impact on the assimilation of lexical material, the development of communication skills and increasing the motivation of primary school students to master linguistic knowledge. The article proves that the use of linguistic games in Russian lessons not only increases the effectiveness of learning, but also develops creative thinking of students, forms a positive attitude of children to educational activities. Attention is drawn to the importance of integrating gaming technologies into the educational practice of primary schools, since this process contributes to achieving optimal results in the formation of students' lexical literacy.

Keywords: *cognitive activity, motivation, game technology, didactic game, lexical literacy, junior.*

Бондарь Екатерина Александровна.
Донецкий государственный университет,
г. Донецк, РФ.
Студент.
E-mail: yekaterina.bondar.2003@mail.ru

Bondar Ekaterina Alexandrovna.
Donetsk State University, Donetsk, RF.
Student.
E-mail: yekaterina.bondar.2003@mail.ru

Плахтий Татьяна Петровна.
Донецкий государственный университет,
г. Донецк, РФ.
Старший преподаватель кафедры
русского языка.
E-mail: plachtijt@mail.ru

Plakhtiy Tatyana Petrovna.
Donetsk State University, Donetsk, RF.
Senior Lecturer of the Department of Russian
Language.
E-mail: plachtijt@mail.ru

УДК 811.161.1

У Цюаньмин © 2024

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Волгоградский государственный университет»
(Научн. рук. — д-р филол. наук, проф. О. А. Горбань)

ПРЕПОДАВАНИЕ КИТАЙСКИМ СТУДЕНТАМ-ФИЛОЛОГАМ РУССКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С НАЗВАНИЯМИ ЖИВОТНЫХ

В статье рассматривается вопрос об обучении русским фразеологизмам с названиями животных в аудитории китайских студентов-филологов. Проведен анализ учебной программы по специальности «Русский язык» и учебных пособий для китайских филологов. Рассмотрено преподавание фразеологизмов *как рыба в воде, козел отпущения и денег куры не клюют*. Отмечено, что на разных этапах обучения обращается внимание на различные формы получения знания и приемы развития коммуникативных навыков, а также используются различные методики преподавания.

Ключевые слова: русский язык, фразеология, фразеологизмы с названиями животных, методика преподавания, китайские студенты.

В 2019 году современные российско-китайские отношения определены как отношения всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающие в новую эпоху. Отношения между двумя странами характеризуются насыщенными контактами на высшем и высоком уровнях, разнообразными механизмами сотрудничества в различных областях. В последние годы гуманитарные обмены развиваются активно и успешно, и к 2020 году общее число участников академических обменов между Россией и Китаем достигло 100 тыс. человек. По данным статистики, в 2023 году в Китае реализуется образовательная программа бакалавриата «Русский язык» в более 170 высших учебных заведениях. Развитие российско-китайских отношений привело к повышению мотивации к изучению русского языка у большого числа студентов в Китае.

В каждом языке существует определенное количество фразеологизмов, которые являются «зеркалом национальной культуры, поскольку фразеологизмы отражают особенности быта, обычаи, традиции, историю народа-носителя данного языка» [9, с. 182]. Изучение фразеологизмов позволяет студентам глубже проникать в народный менталитет и национально-культурную коннотацию. Поэтому необходимо включение преподавания фразеологизмов в программу обучения русскому языку как иностранному.

На современном этапе многие ученые занимаются исследованием вопросов обучения русской фразеологии в иностранной аудитории с точки зрения семантики и функционирования фразеологизмов, специфики и механизма работы с ними, методики, принципов и проблем обучения. Но большинство из них проводит анализ по обучению русской фразеологии иностранных студентов, обучающихся в российских вузах.

В процессе обучения иностранцев фразеологизмам необходимо, по мнению В. С. Мокрищевой, применение метода опоры на родной язык путем дополнения теоретической информации переводом на родной язык и посредством представления фразеологических единиц на русском языке с их эквивалентом на родном языке [6, с. 818]. В проведенном ею опросе среди китайских слушателей, которые окончили подготовительный факультет Белгородского государственного университета, показано, что проблема освоения фразеологизмов с глаголами движения заключается в ограниченном понимании значений фразеологизмов, целесообразности использования того или иного глагола движения в структуре фразеологизма, отсутствии разнообразия видов работы по изучению данных единиц [там же]. Кроме того, в практике обучения русской фразеологии также широко известны и используются приемы и способы семантизации фразеологизмов посредством синонимов и антонимов, через родовое слово,

через контекст, раскрытие понятийной отнесенности фразеологизма, наглядность (показ картинок, прослушивание диалогов с фразеологизмами по изучаемой теме), с помощью этимологического, исторического, лингвострановедческого комментариев [8, с. 48].

В практике преподавания русской фразеологии отбор фразеологических материалов очень важен для того, чтобы формировать фразеологический запас иностранных учащихся, который обеспечивает им понимание и использование фразеологизмов в коммуникации. При отборе «фразеологического материала для обучения необходим учет лингводидактической триады: коммуникативный, речевой и языковой уровни» [5, с. 341]. Кроме того, источники отбора материала должны быть обоснованы актуальностью изданий, частотностью представленных единиц, методической целесообразностью (соответствием уровню владения языком), наличием культурно-национальной коннотации [7, с. 103].

В Китае действует «учебная программа по специальности «Русский язык» в высших учебных заведениях» [12], которая разработана руководящим подкомитетом преподавания русского языка руководящего комитета преподавания иностранных языков в вузах Китая. В программе даны руководящие рекомендации по объекту, цели, требованиям к обучению, постановке учебных дисциплин и механизму оценки. Согласно программе, в процессе преподавания русского языка полагается следовать следующим принципам: овладение студентами языковыми знаниями и речевыми умениями через разнообразную речевую коммуникативную деятельность, всемерную мобилизацию активности и инициативности учащихся с помощью эвристического метода обучения и метода дискуссии. Поэтому в процессе обучения русским фразеологизмам внимание должно быть уделено развитию у студентов способности приобретения знания, самостоятельного мышления, межкультурной коммуникации и инновационного потенциала.

Помимо вышеуказанного, в программе также предлагают приложение по учебному минимуму, включающему в себя фонетику, орфографию, речевой этикет, грамматику, лексику, дискурс, стилистику, лингвострановедение, фразеологизмы, аббревиатуры, названия стран и городов. В список фразеологизмов входят более 108 пословиц, поговорок, крылатых слов и около 270 устойчивых выражений и оборотов. Таким образом, исследование по преподаванию русских фразеологизмов китайским студентам-филологам является актуальным. Объектом нашего исследования стали фразеологизмы с названиями животных, поскольку «животная культура является важной частью национальной культуры и обучения китайских учащихся сравнительному анализу образов символических животных в русской и китайской культурах» [1, с. 67].

«Важнейшим средством организации учебного процесса по русскому языку как иностранному большинство методистов и преподавателей считают учебники» [2, с. 21]. В подавляющем большинстве китайских вузов, где реализуется программа бакалавриата «Русский язык», используется учебный комплекс «Восток. Русский язык в вузах», который состоит из 8 частей. Для студентов-филологов первого и второго курсов предназначены учебники 1–4 частей, в которых обучающиеся встречаются с фразеологизмами в текстах или диалогах урока; специального же раздела по фразеологии и соответствующих упражнений в нем нет. Для студентов-филологов третьего и четвертого курсов используются учебники 5–8 частей, где содержатся специальный раздел по фразеологии и различные упражнения по фразеологизмам. Стоит отметить, что в вышеуказанной учебной программе и учебниках описываются фразеологизмы в широком смысле, в том числе пословицы, поговорки, крылатые слова, устойчивые выражения и обороты. Например, *в гостях хорошо, а дома лучше; кто хочет, тот добьется; семь пятниц на неделе; быть на седьмом небе; ничего не поделаешь*.

В учебной программе и учебниках китайским студентам-филологам предлагается около 40 фразеологизмов с названиями животных: *Без труда не вынешь рыбку из пруда; Волков бояться — в лес не ходить; Денег куры не клюют; За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь; И волки сыты и овцы целы; Как (сколько) волка ни корми, он все в*

лес смотрит (глядит); козел отпущения; Слово не воробей, вылетит — не поймаешь; Цыплят по осени считают; Яйца курицу не учат; ловить рыбу в мутной воде; брать быка за рога; делать из мухи слона; как рыба в воде; первая ласточка; стреляный воробей и т. д. В данной работе мы рассмотрим фразеологизмы *как рыба в воде, козел отпущения, денег куры не клюют* с точки зрения семантики, происхождения и методики преподавания.

В 5 части учебника «Восток. Русский язык в вузах» [10, с. 10] студентами изучается фразеологическая единица (ФЕ) *как рыба в воде*. Она встречается в тексте по теме «Выбор профессии»: «Каждая профессиональная среда создает людей с общими привычками... Человек, которому данная среда подходит, чувствует себя в ней **как рыба в воде**, чужак же будет ходить на работу как на каторгу». Для китайских студентов значение и функционирование этого фразеологизма понятны и легко воспринимаются, так как по прямым значениям лексических единиц находим китайский фразеологический эквивалент *如鱼得水* (досл. как рыба, добравшаяся до воды). В данном контексте он образно обозначает «чувствовать себя хорошо, комфортно в подходящей профессиональной среде» и часто сочетается с глаголом *чувствовать*. Этот фразеологизм возник в результате наблюдения людей за живой природой. Рыбы в воде чувствуют себя очень хорошо, так как это их среда обитания. В русском и китайском языках образ животного в этой ФЕ адекватен. Для углубления понимания значения и употребления оборота *как рыба в воде* в разделе «Фразеология» в рамках этого урока составителем учебника также предлагаются упражнения по этому фразеологизму: перевести предложения с фразеологизмом и составить с ним свои предложения.

ФЕ *козел отпущения* представлена в 6 части данного учебника [11, с. 193, 195] в предтекстовых заданиях и тексте «Применение допинга». Для того, чтобы понять текст с этим фразеологизмом, в предтекстовых заданиях дано русское толкование идиомы *козел отпущения* и приведен пример с данной идиомой: «Козел отпущения — так называют в переносном смысле человека, отвечающего за чужие проступки, вынужденного расплачиваться за грехи других. *Директор шахты, где произошла авария, признал свою вину, но заявил, что не хочет быть единственным козлом отпущения*». На самом деле, хотя нет толкования на русском языке, китайские студенты-филологи смогут воспринимать смысл этого фразеологизма через значения каждого слова. В китайском языке есть такие эквиваленты-идиомы *替罪羊* (досл. козел отпущения), *替死鬼* (досл. гибнущий вместо виновного), *背黑锅* (досл. нести на спине черный котел). Но многие студенты не знают историю происхождения этой идиомы. В процессе обучения преподаватель должен объяснить ее происхождение, чтобы позволить студентам узнать лингвокультурную ценность данного образа. В русском и китайском языках этот фразеологизм происходит от ветхозаветного обычая. Во времена Иерусалимского храма иудеи верили, что грехи людей могут быть перенесены на животное, которое затем уводили в пустыню и оставляли там. Это животное и называли козлом отпущения. А в тексте ФЕ *козел отпущения* употребляется в таком контексте: «Кроме того, Юлхяэ отметил, что в России из спортсменов, которые попались на использования допинга, “не делают козлов отпущения”». Очевидно, что данный фразеологизм обычно функционирует в качестве предикативного дополнения.

В вышеуказанной части учебника [11, с. 59–66] русскому фольклору посвящен урок третий, где подробно изложены пословицы и поговорки и предложены разнообразные упражнения по фразеологизмам. ФЕ *денег куры не клюют* относится к поговоркам, которые являются в речевом обиходе устойчивыми изречениями, образно определяющими какое-либо жизненное явление прежде всего с точки зрения эмоционально-экспрессивной оценки. В учебнике эта поговорка не описывается в контексте, а понимается через упражнения, где указано, что *денег куры не клюют* употребляется для обозначения богатства. В китайском языке не существует полностью соответствующего фразеологизма,

поговорка только переводится выражением, не принадлежащим к ФЕ *钱多得不得了* (досл. слишком много денег). Но в китайском можно найти ФЕ со значением богатства, в которых содержится образ другого животного или название животного отсутствует, например, *肥马轻裘* (досл. упитанные лошади и легкие меха), *腰缠万贯* (досл. на поясицу повязывать 10 тысяч связок монет). В практике преподавания из-за отсутствия контекста китайским студентам будет сложно понимать этот фразеологизм, и преподаватель должен привести некоторые примеры с его использованием, дать лингвокультурные комментарии. Существуют разные предположения о происхождении данной ФЕ. Согласно одному из них, *денег куры не клюют* относится к роду шуточных выражений, в которых отрицается то, что и так никогда не бывает в реальной жизни, ведь куры в действительности никогда не питаются деньгами. Появление поговорки основано на реальных наблюдениях: куры отличаются большой прожорливостью [4, с. 368].

Почти во всех китайских вузах в программах обучения китайских студентов-филологов русскому языку нет специальной дисциплины, посвященной преподаванию русских фразеологизмов, не говоря уже о фразеологизмах с названиями животных. Но «фразеологизмы оценивают человека с точки зрения физических, психических, морально-этических, интеллектуальных качеств, характеризуют его в отношении социальной принадлежности, рода занятий, возраста и жизненного опыта, родственных связей» [3]. И между человеком и животным обнаруживается особая связь, которая существует на протяжении веков. Фразеологизмы с названиями животных возникают в результате наблюдений человека за свойствами и особенностями поведения животных, происходят из библейских сюжетов, истории и мифологии, художественных произведений и др. Поэтому в обучении китайских студентов русскому языку очень важной частью станет внесение обучения русским фразеологизмам, особенно ФЕ с названиями животных, в учебную программу, чтобы они смогли получить не только основные лексические, грамматические, стилистические знания, но и знания по лингвострановедению и коммуникативные навыки.

С позиции принципов обучения русским фразеологизмам с названиями животных на базовом этапе (первом и втором курсах) основной акцент должно быть сделан на пополнении лексического и фразеологического запаса, а на продвинутом (третьем и четвертом курсах) нацелено на развитие навыков и умений самостоятельного обучения и эффективной коммуникации.

В проанализированных нами комплексных учебных пособиях «Восток. Русский язык в вузах» не осуществлена систематизация материала в целом по фразеологизмам и в частности ФЕ с животными. Из-за различий языковых систем русского и китайского языков студенты не всегда смогут найти эквивалентные фразеологизмы. Поэтому, используя метод опоры на родной язык (толкования на китайском языке) следует применять метод лингвокультурных комментариев (объяснения происхождения ФЕ) и метод формирования коммуникативных навыков (упражнений по употреблению ФЕ в ситуационных контекстах).

ЛИТЕРАТУРА

1. Ван Дэндэн. Обучение китайских студентов специфике русских и китайских фразеологизмов и пословиц с зооморфным компонентом на основе сравнительно-сопоставительного анализа / Ван Дэндэн, Н. Х. Савельева, Ли Сыюй // Педагогическое образование в России. — 2022. — № 5. — С. 66–72.
2. Голами Х., Бейги М., Пулаки П. Роль учебника как средства организации учебного процесса по русскому языку как иностранному в иранской аудитории / Х. Голами, М. Бейги, П. Пулаки // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. — 2018. — № 2. — С. 20–25.
3. Жуков А. В. Объективная фразеология в русском языке / А. В. Жуков // Семантико-грамматические характеристики фразеологизмов русского языка: сб. науч. тр. — Л.: Б. и., 1978. — 81 с.

4. Мокиенко В. М. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь / под ред. В. М. Мокиенко. — М.: Астрель: АСТ: Хранитель, 2007. — 926 с.
5. Мокиенко В. М. Фразеология обучаемого и фразеология обучающего (Проблемы методики освоения фразеологизмов) / В. М. Мокиенко // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. — 2017. — Т. 15, № 3. — С. 333–345.
6. Мокрищева В. С. Обучение китайских студентов русским фразеологизмам с глаголами движения как компоненту курса русского языка как иностранного / В. С. Мокрищева // Педагогика. Вопросы теории и практики. — 2022. — №8. — С. 810–819.
7. Полонникова Е. Г. Обучение русской фразеологии иностранных учащихся на современном этапе / Е. Г. Полонникова // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. — 2019. — Т. 10, № 1. — С. 99–109.
8. Пугачева Л. С. Обучение иностранных студентов-филологов русской фразеологии (на материале фразеосемантического поля «Деятельность человека») / Л. С. Пугачева // Русистика. — 2011. — №1. — С. 45–51.
9. Степанян Е. В. Специфика работы с русскими фразеологизмами со значением времени в китайской аудитории / Е. В. Степанян // Преподаватель XXI век. — 2015. — № 3. — С. 181–189.
10. 东方大学俄语（新版）学生用书.5 / 史铁强主编；王凤英分册主编；北京外国语大学俄语学院编著。—北京：外语教学与研究出版社，2011。(Ши Тецянь, Ван Фэньин. Восток. Русский язык в вузах. 5 / Ши Тецянь, Ван Фэньин. — Пекин: Издательство «Преподавания и исследования иностранных языков», 2011. — 225 с.)
11. 东方大学俄语（新版）学生用书.6 / 李向东主编；北京外国语大学俄语学院编著。—北京：外语教学与研究出版社，2012。(Ли Сяндун. Восток. Русский язык в вузах. 6 / Ли Сяндун. — Пекин: Издательство «Преподавания и исследования иностранных языков», 2012. — 217 с.)
12. 高等学校俄语专业教学大纲 / 全国高等学校外语专业教学指导委员会俄语教学指导分委员会编。—2版。—北京：外语教学与研究出版社，2012。(Учебная программа по специальности «Русский язык» в высших учебных заведениях (второе издание) / Руководящий подкомитет преподавания русского языка руководящего комитета преподавания иностранных языков вузов Китая. — Пекин: Издательство «Преподавания и исследования иностранных языков», 2012. — 380 с.)

Поступила в редакцию 11.03.2024 г.

Wu Quanming

TEACHING RUSSIAN PHRASEOLOGICAL UNITS WITH ANIMAL NAMES TO CHINESE STUDENTS OF PHILOLOGY

This article deals with the issue of teaching Russian phraseologisms with animals in the classroom of Chinese students of philology. The analysis is carried out on teaching programme for the specialty “Russian language” and textbooks for Chinese philologists. The teaching of phraseological phrases like *как рыба в воде*, *козел отпущения* and *денег куры не клюют* is analyzed. It is noted that at different stages of teaching attention should be paid to different forms of knowledge acquisition and techniques of communicative skills development, as well as different teaching methods are used.

Key words: *Russian language, phraseology, phraseological units with animal names, teaching methods, Chinese students*

У Цюаньмин.

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, РФ.

Соискатель степени кандидата филологических наук при кафедре русской филологии и журналистики.

E-mail: wqm1022@mail.ru

Wu Quanming.

Volgograd State University, Volgograd, RF.

Applicant for a Degree Candidate of Philological Sciences of the Department of Russian Philology and Journalism.

E-mail: wqm1022@mail.ru

Горбань Оксана Анатольевна.

Доктор филологических наук, профессор.

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, РФ.

Профессор кафедры русской филологии и журналистики.

E-mail: oa_gorban@volsu.ru

Gorban Oksana Anatolyevna.

Doctor of Philology, Professor.

Volgograd State University, Volgograd, RF.

Professor of the Department of Russian Philology and Journalism.

E-mail: oa_gorban@volsu.ru

Литература и лингвистический анализ художественного текста

УДК 82-1/-9

А. А. Гылка © 2024

Государственное образовательное учреждение
«Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко»
(Науч. рук. — канд. филол. наук, доц. В. В. Дабержа)

АКТУАЛИЗАЦИЯ ПУШКИНСКОГО НАСЛЕДИЯ: РЕТЕЛЛИНГИ «РУСЛАНА И ЛЮДМИЛЫ» КАК СПОСОБ ПОПУЛЯРИЗАЦИИ КЛАССИКИ

В статье рассмотрены ретеллинги «Руслана и Людмилы» — поэмы Александра Сергеевича Пушкина, которая по праву считается одним из основополагающих произведений русской литературы. Целью данного исследования является анализ интерпретаций пушкинской поэмы как способа популяризации классики. Для достижения цели были поставлены задачи: проанализировать различные подходы к переосмыслению пушкинского сюжета, а также оценить их эффективность в деле популяризации классики. В ходе исследования было выявлено, что ретеллинг — новая форма подачи литературного наследия, способная привлечь внимание современного читателя.

Ключевые слова: ретеллинг, «Руслан и Людмила», популяризация классики.

В современном мире, где информационный поток постоянно меняется, а внимание людей становится все более фрагментарным, возникает вопрос о сохранении актуальности классических произведений. В особенности, поэма «Руслан и Людмила» А. С. Пушкина имеет непреходящую ценность для русской культуры. Поэтому популяризация пушкинского наследия является важной задачей для русского народа.

Замысел поэмы «Руслан и Людмила» зародился у Пушкина еще в юные годы, во время учебы в Царском-Сельском лицее. Вдохновленный народными сказками и поэмами, писатель намеревался создать произведение, которое бы соединило в себе волшебство русского фольклора с авторским стилем и иронией.

Работа над поэмой длилась около 2-х лет, с 1818 по 1820 год. Пушкин тщательно изучал фольклорные источники, интересовался историей русского государства. Он черпал вдохновение в произведениях Карамзина, Жуковского, Ершова, обращался к рыцарским романам Вольтера и Ариосто.

Первая публикация поэмы «Руслан и Людмила» состоялась в 1820 году. Она сразу же привлекла внимание читателей и вызвала неоднозначную реакцию критиков. Одни хвалили Пушкина за новаторский подход к жанру и смелое использование русского языка, другие же критиковали его за «вольности» в обращении с фольклором и за «непристойности».

Несмотря на критику, поэма «Руслан и Людмила» стала одним из значительных событий в истории русской литературы. Она ознаменовала собой рождение нового жанра — романтической поэмы и оказала влияние на творчество многих последующих поэтов.

Поэма «Руслан и Людмила» переведена на многие языки мира и по сей день остается одним из самых популярных произведений Пушкина среди читателей. Она продолжает вдохновлять художников, музыкантов, поэтов, которые создают новые интерпретации сюжета.

В современной литературе одним из способов интерпретаций стал ретеллинг. Во многом этот жанр отвечает своему названию — пересказыванию (от английского to retell). Авторы ретеллингов берут за основу все известные мифы, легенды и сказки и представляют их читателю в новом видении, адаптируя к современной реальности.

Подобные произведения дают читателю возможность одновременно погрузиться в знакомую и понятную историю, но при этом испытать новые чувства. Для автора же это возможность успешно использовать ранее созданный художественный мир, на его основе построить сюжет, не затрачивая время на проработку деталей.

Кроме того, этот жанр позволяет увидеть события под новым углом, что дает возможность составить мнение о персонажах не предвзято и однобоко, а комплексно со всех сторон. Во многом сказки оперируют «черно-белыми» категориями, тогда как ретеллинг способен добавить в них глубины, не выделяя абсолютно положительных или негативных персонажей, рассказывая о причинах поступков и действий. Ведь и Золушка может мстить своим сёстрам, а Злая Королева желать простой любви.

Многие авторы ретеллингов задаются целью погрузиться в историю, домыслить неясные моменты и пробелы, а затем представить свое видение читателям. В результате знакомые персонажи могут обрести новые черты, а их характеры стать более многогранными.

Авторы могут создавать новые истории, которые будут интересны современному читателю, используя различные подходы к изменению сюжета:

1. Изменение точки зрения (пересказ истории от лица другого персонажа).
2. Смена сеттинга (перенос истории в другое время или место).
3. Изменение жанра.
4. Добавление новых элементов (введение новых персонажей, сюжетных линий или событий).
5. Сочетание нескольких подходов (авторы могут комбинировать различные методы для создания уникального ретеллинга).

При переосмыслении сюжета перед автором стоит важная задача: сохранить дух и основные идеи оригинального произведения и на их основе создать новую историю, которая будет интересна современному читателю.

На самом деле ретеллинг — явления не новое. Сама поэма «Руслан и Людмила» является пересказом старинных историй на пушкинский лад. Среди читателей найдутся те, кому сюжет напомнит древнеиндийский эпос «Рамаяну». И это мнение вполне справедливо.

Все поэмы, равно как и сказки А. С. Пушкина представляют собой авторское переложение на современный лад ходивших в народе сюжетов, в результате которого в первоизданном виде сохранились глубинные ментальные пласты переработанных сюжетов. Потому произведения эти и понятны и современным читателям, и современникам Александра Сергеевича [4].

Таким образом, существует мнение, что «Руслан и Людмила» — переложение «Рамаяны». Однако известно, что Пушкин не знал санскрит, а поэма «Рамаяна» в то время еще не была переведена ни на русский, ни на французский языки. Исследователи считают, что сюжет древнеиндийского эпоса Пушкину пересказала его няня Арина Родионовна [4].

«Руслан и Людмила» уже более 2-х веков не утрачивает интерес читателей, вдохновляет писателей на создание новых шедевров. Сегодня мы наблюдаем зарождение современных ретеллингов поэмы. Авторы XXI века переосмысливают пушкинский сюжет, перенося его в современные реалии, добавляя новые элементы и интерпретации.

Один из примеров ретеллинга — это роман современного автора Кристины Тэ, который носит символическое название — «Там чудеса». Кристина Тэ предпочитает сказки, мифы, мрачную эстетику и разного рода ретеллинги. Под её авторством опубликованы две книги, одна из которых, по мнению издательства «МИФ», стала бестселлером. Это т.н. темный ретеллинг известной сказки под названием «Моя темная королева»: история Рапунцель, где принцесса является жестокой королевой, стирающей города с лица земли.

В ретеллинге «Руслана и Людмилы» классический сюжет рассматривается с неожиданной точки зрения. Согласно пушкинскому сюжету, Людмилу похитили с брачного ложа, а Руслан одолел коварного колдуна и доказал право зваться мужем Людмилы. В ретеллинге же главная Людмила не настолько слаба и беспомощна, чтобы безвольно ждать спасения [3]. Кроме того, главная героиня не Людмила. В истории появляется новый ключевой персонаж, который привносит ярких красок роману и полностью меняет его сюжет — Луарская принцесса Дельфира (или коротко — Фира), лучшая подруга русской княжны, по совместительству — ведьма. Она сестра вероломного и трусливого Фарлафа, который «боролся» за сердце Людмилы. Еще ребенком девушку сослали из страны за колдовство, оставив на попечение русскому князю Владимиру. Фира росла рядом с княжеской дочкой, в результате чего между ними образовался крепкий дружеский союз.

Ключевые события в романе не меняются: здесь также происходит свадьба, похищение, поиски невесты. Однако Людмила неслучайно попала в распоряжение к Черномору. Собственноручно героиня «наколдовала» себе беду: захотела взглянуть с помощью воронова пера на будущее с Русланом.

Фира отговаривала княжну, но та все равно тайком поступила по-своему. Уже в этом поступке можно заметить неприсущую пушкинской Людмиле своенравность. «Новая княжна» отнюдь не скромная, чувственная девушка. Она упрямая и неугомонная, шумная и бойкая, свободолюбивая. Девушка, которая сама выбрала Руслана, и которая не побоялась усомниться в собственном выборе. Девушка, у которой возникли чувства к другому, на первый взгляд, к отрицательному персонажу Черномору. Девушка, которая, несмотря на все прелести Нави, не пожелала оставаться в золотой клетке. Людмила хотела сама принимать решения, а не становиться жертвой обстоятельств. Это она, а не Руслан, отрубила бороду «злого» колдуна, спасла себя и потребовала себя в награду у отца за собственное освобождение.

В ретеллингах новый взгляд на тему — это чаще всего женский взгляд. Писатели используют феминистскую точку зрения, переосмысляя историю, ранее звучавших от лица мужчин.

«Повестка неизбежно вплетается в современную литературу. Когда автор пишет роман, он хочет, чтобы тот откликнулся у читателя, задевал за живое. Поэтому на передний план выходят темы и проблемы, которые волнуют современных читателей. С другой стороны, так писатели показывают универсальность и значимость проблемы: она существовала не только здесь и сейчас, но и в прошлом. При этом порой её замалчивали или просто не считали проблемой. Например, сейчас актуален фокус на girl power — не только в ретеллингах, но и в других жанрах», — заявляет Анна Неплюева, шеф-редактор направления «Художественная литература Young Adult» издательства «МИФ» [2].

Вот и роль Дельфиры в романе выходит далеко за рамки традиционной «девушки в беде». Она — активная участница приключенческих и боевых событий. Луарская принцесса предстает перед нами сильной, бесстрашной, героиней, готовой к подвигам. Кристина Тэ примеряет на нее образ витязя.

Многое, что случалось с другими персонажами в пушкинском «оригинале», происходило с Дельфирой в современной «альтернативе». Например, это на нее, а не на Фарлафа, нападает витязь Рогдай, перепутав всадника с Русланом. В схожей ситуации герои ведут себя совершенно по-разному. В отличие от трусливого луарца, Дельфира не решает защищаться.

Фира, а не старый провидец Финн, встречается Руслану в сырой пещере. Она же, а не волхв, оживляет его после смерти от руки подлого Фарлафа. Именно луарская принцесса, а не Руслан, делает решающий ход в разразившейся битве, чтобы спасти

русское княжество. Дельфира, по сути, зеркальное отражение Руслана, однако вместо физической силы у нее сила колдовская.

В своем произведении Кристина Тэ отрицает образ идеальной пары, который создал Пушкин: покорная, застенчивая красавица Людмила и сильный, смелый воин Руслан.

Современные авторы ретеллингов не боятся разрушать идеалы, размывать границы об истинном совершенстве. Неслучайно писательница рисует таких разных героинь: Людмилу и Дельфиру. В облике Людмилы воплотились представления об «истинной» русской красавице: пышные формы, золотистые косы, легкая, словно летящая, походка. На людях Людмила скромна и сдержанна, как и положено знатной девице, но в кругу близких она позволяет себе быть собой. Стройную же, словно мальчишка, Фиру отличают рыжие волосы, с которыми она впоследствии рассталась, зеленые глаза и веснушки на лице. Внешний вид девушки является прямым отражением ее дерзкой натуры.

Руслан, очарованный образом идеальной Людмилы, видел в ней воплощение женственности, кротости и нежности. Дельфира же, с ее бойким характером и независимостью, казалась ему полной противоположностью — «девушкой-пацанкой», к поведению которой он не привык.

Узнавая Фиру ближе, Руслан постепенно менял свое мнение. Он увидел в ней не просто своевольную, упрямую девушку, но и обладательницу редкой внешней и внутренней красоты. Она оказалась близка ему по духу, отважная и искренняя, не боящаяся быть собой. В итоге выбор, продиктованный не иллюзией, а искренним чувством, смог привести героя к настоящей любви и счастью:

«Я не любил Людмилу!.. Любил лишь мысль о ней. О семье, о счастье с прекрасной нежной девой... Людмила не стала бы в минуту опасности первым делом цепи с чужого коня стаскивать. А спасти ненавистного дурного князя от мавок — тем более. И уж точно не рыдала бы над татями, что на честь ее покушались. Ну и, уж прости, она не бросилась бы за тобою в Навь сломя голову. Скорее, отправила бы отцовскую дружину». (Кристина Тэ. Там чудеса) [6].

Людмила, в свою очередь, отдала предпочтение Черномору, хоть и не до конца разобралась в своих чувствах к нему. В отличие от оригинальной поэмы Пушкина, где Черномор представлен седовласым карликом, в ретеллинге он предстает совсем другим персонажем. Это красивый высокий молодой человек с длинной волшебной бородой. Его чарующий взгляд, статная фигура сразу же привлекли внимание Людмилы. Однако отношения между героями сложились непростые. Одна из причин — сложный характер колдуна.

В этой истории Черномор не укладывается в рамки простых категорий добра и зла. Его образ многогранен и неоднозначен, а ключ к его пониманию может, по нашему мнению, лежать в его прошлом. Как известно, Черномор отличался от членов своей семьи, из-за чего колдун не нашел понимания и любви среди близких. Не исключено, что именно это подтолкнуло его к уходу в иллюзорный мир Нави, побудило окружить себя наложницами в надежде отыскать среди них спутницу жизни. Эта же причина обусловила и его желание владеть Людмилой. Правда, до конца не понятно, чего именно он хочет добиться от девушки. Он то отталкивает ее, то старается приблизиться к юной княжне.

«У ретеллингов по сказкам есть интересная особенность: добро и зло в них зачастую меняются местами. На смену чёрно-белой морали приходит серая. Авторы показывают путь злодея, историю его становления со всеми истоками и предпосылками. Часто в основе таких сюжетов лежит идея, что монстрами не рождаются. Монстров создают люди, а ненависть порождает ненависть», — утверждает Анна Неплюева [2].

Кроме Черномора есть еще два героя «Руслана и Людмилы», которые предстают в новом свете в ретеллинге Кристины Тэ. Провидец Финн и колдунья Наина также меняют свои амплуа. Наина, изначально отрицательный персонаж, обретает новые грани, а Финн,

ранее бывший положительным героем, раскрывается с неожиданной стороны. В оригинальном сюжете колдунья предстает злодейкой, помогающей Фарлафу и дающей ему коварные советы. Но в новой версии ее образ раскрывается глубже, и мы видим, что у ее поступков есть причины. В современном романе она не предстает перед нами старухой. Она всё та же юная, прекрасная девушка, которая находится под чарами Финна. Он насильно завладел ее сердцем и обручил с собой. На протяжении всего брака он терзал ее как физически, так и морально. Охваченная гневом и желанием отомстить, Наина задумала коварный план с похищением Людмилы, который помог ей заполучить меч, разрушающий любые заклинания. Однако ее целью было не просто разрушить чары, но и наказать всех, кто был свидетелем ее страданий, но не протянул руку помощи. Наина, взывая к темным силам, направила полчища теней на княжество, обрушив на него всю свою ярость.

Итак, ретеллинг «Там чудеса» от Кристины Тэ — яркий пример того, как можно эффективно популяризировать классику среди современной аудитории. На популярных порталах и в книжных интернет-магазинах, таких как Лабиринт, LiveLib, Читай-город и Ozon, книга набирает высокие оценки: Лабиринт – 9.22 из 10, LiveLib – 4.5 из 5, Читай-город – 4.8 из 5, Ozon – 4.93 из 5.

Успех ретеллинга обусловлен его привлекательностью для современного читателя. Кристина Тэ искусно вводит в сюжет темы, которые резонируют с нашими современниками: сильные и независимые героини, сложные моральные дилеммы, многогранные персонажи. Помимо актуальных тем, «Там чудеса» обладает динамичным и захватывающим сюжетом, который держит читателя в напряжении до самого конца. Автор бережно сохраняет узнаваемые элементы классической истории Пушкина, но при этом предлагает свой, свежий взгляд на события.

Помимо книги Кристины Тэ, у «Руслана и Людмилы» есть другие интерпретации. Одна из них — фэнтезийный роман от автора Тани Свон «Сердцецветы для охотницы». Сюжет произведения отдаленно напоминает пушкинскую поэму. Однако, автором не указывается, что книга является ретеллингом «Руслана и Людмилы». Вместо классической истории о Руслане, спасающем свою возлюбленную Людмилу, Таня Свон предлагает другую адаптацию истории. В романе «Сердцецветы для охотницы» главная героиня Руслана сама становится «рыцарем в сияющих доспехах».

По древнему обычаю Руслану против воли выдают замуж, однако во время обряда начинается вьюга, в которой жених девушки, Войко, исчезает. В насланном урагане несправедливо обвиняют Руслану, городскую охотницу, считая ее лесной девкой — ученицей Борового. Руслана не готова мириться с несправедливым обвинением в колдовстве, тем более девушка знает, что у Войко есть возлюбленная, к которой он сбежал. Чтобы защитить свое имя, Руслана отправляется на поиски беглеца [5].

Таким образом, «Руслан и Людмила» — это вечное произведение. Оно продолжает вдохновлять и воодушевлять своим волшебством и мудростью. Внутри этой сказки скрыты многие аспекты человеческой природы, а ее язык красоты и символики позволяет находить при каждом прочтении что-то новое. Неудивительно, что поэма вдохновляет авторов на создание современных интерпретаций сказки, которые, словно мосты, соединяют пушкинское творчество с юными читателями XXI века. Эти переосмысления помогают ребятам по-новому взглянуть на знакомый с детства сюжет и приобщиться к богатому миру русского языка и литературы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Orfeus. Смысл произведения «Руслан и Людмила» Пушкина / Orfeus. — Режим доступа: <https://kakoy-smysl.ru/meaning-book/smysl-proizvedeniya-ruslan-i-lyudmila-pushkina/>
2. Издательство «МИФ». От Медузы до Джейн Эйр: как ретеллинг переосмысляет истории знакомых нам персонажей / Издательство «МИФ». — Режим доступа: <https://burninghut.ru/retelling/>

- Исупова Е. За косы ее, за глаза лазоревые он намерен биться до смерти. Отрывок из ретеллинга «Руслана и Людмилы» / Е. Исупова. — Режим доступа: <https://blog.mann-ivanov-ferber.ru/2023/11/19/za-kosy-ee-za-glaza-lazorevy-e-on-nameren-bitsya-do-smerti-otryvok-iz-retellinga-ruslana-i-lyudmily/>
- Оллам — поэзия мира. Откуда Пушкин позаимствовал сюжет «Руслана и Людмилы» / Оллам — поэзия мира. — Режим доступа: <https://dzen.ru/a/XW4rLJ8nIQctkxGn>
- Свон Т. Сердцеветы для охотницы / Т. Свон. — Режим доступа: <https://eksmo.ru/book/serdtsetsvety-dlya-okhotnitsy-ITD1306965/>
- Тэ К. Там чудеса / К. Тэ — Москва: МИФ, 2024. — [с. 400-401].

Поступила в редакцию 20.02.2024 г.

A. A. Gylka

ACTUALIZATION OF PUSHKIN'S HERITAGE: RETELLINGS OF «RUSLAN AND LYUDMILA» AS A WAY TO POPULARIZE THE CLASSICS

The article examines the retellings of «Ruslan and Lyudmila» — a poem by Alexander Sergeevich Pushkin, which is rightfully considered one of the fundamental changes in Russian literature. The purpose of this study is to analyze the interpretations of Pushkin's poem as a way to popularize the classics. To achieve the goal, the following tasks were set: to consider various approaches to rethinking Pushkin's plot, as well as to evaluate their effectiveness in popularizing the classics. The study found that retelling is a new form of presenting literary heritage that can attract the attention of the modern reader.

Key words: retelling, “Ruslan and Lyudmila”, popularization of the classics.

Гылка Аксения Андреевна.

Приднестровский государственный университет им.
Т. Г. Шевченко, г. Тирасполь, Молдова.
Студент.

E-mail: gylka.2003@gmail.com

Gylka Aksenya Andreevna.

Transnistrian State University named after
T. G. Shevchenko, Tiraspol, Moldova.
Student.

E-mail: gylka.2003@gmail.com

Дабеза Виктория Владимировна.

Кандидат филологических наук.
Приднестровский государственный университет, г.
Тирасполь, Молдова.
Доцент кафедры журналистики.
E-mail: dabezha2013@yandex.com

Dabezha Victoria Vladimirovna.

Candidate of Philology.
Transnistrian State University named after
T. G. Shevchenko, Tiraspol, Moldova.
Associate Professor of the Department of Journalism.
E-mail: dabezha2013@yandex.com

УДК 81'42

Д. А. Калмыкова © 2024

*Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Донецкий государственный университет»*

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ГРУППА «ЕДА/НАПИТКИ» КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ КАТЕГОРИИ «ПРОЦЕСС ПРИНЯТИЯ ПИЩИ» В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Н.В. ГОГОЛЯ

В данной исследовательской работе рассматриваются гастрономические образы, встречающиеся в произведениях Н.В. Гоголя. Решаемые в ходе данного исследования вопросы позволяют по-новому взглянуть на содержание текстов художественной литературы, расширить понимание роли «еды/напитков» и процессов ее приготовления и потребления, так как кулинария занимала важное место в жизни Гоголя.

Ключевые слова: структура, семантика, лексическая единица, семантическое поле, категория, гастрономическая лексика.

На современном этапе развития языкознания перспективным и плодотворным является системный подход к изучению словарного состава языка. Еде, напиткам и

процессу их потребления как объекту семиотического анализа, посвящено немало современных исследований в различных языках. В зависимости от исследовательских приоритетов еду и напитки изучают в связи с осмыслением мира [2], в связи с религиозными обрядами и национальными традициями как способ религиозной, национальной и социальной идентификации [3], в связи с застольным этикетом и кулинарным дискурсом как неотъемлемую часть социальной жизни, а также в связи с созданием историко-культурного направления под названием «гастрономия». Гастрономическая лексика представляет собой пласт наименований из категорий языковых сфер «процесс питания» или «процесс принятия пищи» преимущественно в аспекте выявления лингвокультурной специфики данных направлений: еда, напитки, процесс приготовления, процесс потребления, культура застолья, застольные традиции, культура гостеприимства и др.

Лексемы «еда» и «напитки» являются высокочастотными и занимают центральное место в семантическом поле (группе, классе) «процесс принятия пищи»; обладает большой деривационной и словосочетательной активностью и выражает существенные элементы диалектно-национальной культуры в творчестве Н. В. Гоголя, так как слово с обобщённой семантикой, стилистически нейтральное, имеет обширные ассоциативные связи и представляет страноведческую ценность. Потому категория «процесс принятия пищи», как базовая составляющая гастрономической лексики, отражает основную, принципиально важную страноведческую информацию.

Гастрономическая лексика составляет особый пласт лексики и обогащает русский язык, расширяет его возможности, способствует развитию культуры человека и коммуникации человека в обществе. Все главные события жизни людей связаны с едой, когда мы читаем какое-либо художественное произведение, то встречаем различные кулинарные изыски. Описание пристрастий к еде удачно используется авторами для характеристики отдельных персонажей, а также для погружения читателей в культуру и быт того времени. Соглашаясь с исследованием ученого И. Ф. Заманова, отметим, что рассмотрение функционирования и употребления в языке таких лексических элементов, как лексико-семантическое поле, синонимический ряд и лексико-семантическая группа остаются актуальной темой, поскольку современная лингвистика ставит перед собой до сих пор не решённую задачу: сформулировать цельную структуру лексики с последующим её изучением [3, с. 217].

Материалом данного исследования послужили наименования еды и напитков, объединённые интегральной семантическим полем «процесс принятия пищи», извлечённые методом сплошной выборки из художественных произведений Н. В. Гоголя. Количество примеров выборки — 332 лексические единицы (далее — ЛЕ).

Структурно-семантические единицы, как неотъемлемая часть лексикологии, имеют ключевые роли: наименование предметов, описание их качеств и обозначение действий. Вышеупомянутые лексические элементы представляют весьма большой интерес не только с точки зрения лингвистической науки, но также в сфере психологии. Описанные в ходе данного исследования наблюдения лишней раз подтверждают широкое распространение данных элементов в жизни каждого носителя языка, так как без лексического пласта не может существовать ни одна наука, не говоря уже о ежедневных коммуникативных процессах. Также стоит отметить, что именно семантико-синонимическая связь позволяет вышеперечисленным элементам объединяться в группы, ряды и поля, что в свою очередь значительно упрощает их выбор для последующего использования. К лексическим пластам относятся: семантическое ядро, тематическое ядро, синонимические ряды, тематические группы, антонимические пары, ассоциативные поля, синонимическая группа и т. д.

Таким образом, в настоящей работе гастрономическая лексика языковой денотативной сферы («языковая сфера с определенным запасом смыслов, связанных с компонентами языковых единиц, предполагающих определенное тематическое единство» С. С. Константинова [6]) со значением «процесс принятия пищи» рассматривается как компонент лексических единиц и как источник создания образной картины мира в результате переосмысления денотативного значения в семантической структуре единиц данной лексико-семантической группы. Все это усиливает эффект правдивости самого произведения в целом и провоцирует читателя верить в его реалистичность. М. Ю. Музовецкая приводит слова Н. В. Гоголя («Выбранные места из переписки с друзьями. XXII Русской помещик»): «Тот имеет отличного повара, но, к сожалению, такой маленький рот, что больше двух кусочков никак не может пропустить; другой имеет рот величиною с арку главного штаба, но, увы! должен довольствоваться каким-нибудь немецким обедом из картофеля. Как странно играет нами судьба наша!». Данным гастрономическим сравнением писатель иронизирует, что именно образ трапезы (процесс принятия пищи) помогает читателю убедиться в том, что не всегда человек может «соизмерять свои желания со своими же возможностями». Самое важное в гоголевских произведениях то, что автором опосредована особая национальная идентичность на стыке двух культур и традиций. Кроме того, трактование культурного кода в его текстах позиционируется на разноуровневых ментально-исторических дискурсах и бытовых реалий времени [9, с. 8].

В этой связи представляется теоретически значимым исследовать структуру семантического поля (далее — СП) «процесс принятия пищи», поскольку данное поле не только чрезвычайно разнообразно по значениям, но и ориентировано на взаимодействие нескольких понятийных областей (и соответствующих СП), таких как:

- питание — как составляющая физиологической потребности человека — процесс, связанный с необходимостью удовлетворять потребности в насыщении (в пище и воде), поглощении пищи и пищеварении;

- бытовые реалии материального мира, поскольку человек потребляя в пищу продукты, производит с ними определённые манипуляции — приготовление и потребление пищи происходит в специально оборудованном пространстве, с использованием кухонной домашней утвари;

- культурно-личностные отношения, так как процесс принятия пищи представляет собой трудовую, бытовую и профессиональную деятельность, а особенности организации застолья и проявления гостеприимства, непосредственно связаны с культурно-исторической жизнью этноса;

- социальные — так как возможность удовлетворять потребности в пище, может зависеть от материальных и физиологических характеристик человека, социально-экономического положения — избыток пищи (чревоугодие) недостаток в пище у материально необеспеченных слоёв населения; сознательный отказ от потребления различного рода продуктов по религиозным и идеологическим причинам и др.

И. П. Колева в своей работе указывает на то обстоятельство, что «...присутствие образов еды и напитков, процесса угощения ими, характер блюд, описание ритуала «потчевания блюд», призваны охарактеризовать героев произведений, при этом категория «еда»: пища, блюда, напитки выступают в функции знака, совмещающего в себе признаки метонимии и метафоры» [5, с. 18]. Используя такой прием «вкрапления» в текст художественного произведения элементы исторических культурно-бытовых реалий, Н. В. Гоголь смог создать яркие и эмоциональные образы представителей глубинного народа, запоминающийся внешний облик народных героев и продемонстрировать изобразительно-выразительные возможности гастрономической лексики родного языка [7].

Как уже было сказано ранее, главным предметом лексикологического анализа являются системные отношения внутри семантического поля.

Категория семантического поля «пища и процесс ее принятия» содержит тематические группы. Автор Л. Г. Саяхова в своей научной разработке «Тематический словарь русского языка» ведёт речь о том, что семантическое поле «пища и процесс ее принятия» отражает тематическую группу «питание», которая в дальнейшем членится на следующие рубрики: продукты питания, кушанья, приготовление пищи, сервировка стола, отношение к пище, потребление пищи [11, с. 4–5]. При этом следует согласиться с трактованием автора научной диссертации «Семантическая изотопия «еда» в художественном тексте. На материале малой прозы 60–80 гг. 20 века» Е. В. Филипповой, которая считает, что в группу «Продукты питания» попадают и обобщённые названия продуктов питания (продукты), и названия объектов приготовления пищи (крупа), требующие дальнейшей обработки, собственно продукты питания, являющиеся результатом процесса приготовления пищи (кондитерские изделия) и сам процесс потребления пищи (трапезничество, застолье) [12, с. 101].

Данная категория достаточно разнообразна и в свою очередь является важным источником языковой, исторической и этнографической информации. Опора на этнографический материал является необходимым условием для плодотворного исследования семантического поля и лексико-семантической группы (далее — ЛСГ). В соответствии с этим в составе СП можно выделить три ЛСГ [8; 1; 10], по ходу анализа которых подбирались этимологические расшифровки значений из словаря Л. Г. Саяховой «Тематический словарь русского языка» [11]:

1) «Пища» (еда / напитки) — это наиболее многочисленная группа, включающая 186 ЛЕ. Приведём несколько примеров: *брюква* («Мертвые души» [1]) — двулетнее растение, имеющее пищевое и кормовое значение [11]; *бублик* («Вечера на хуторе близ Диканьки» [1]) — бараночное изделие в форме тора из пшеничного теста, как правило, более крупное по размеру, чем сушка или баранка, при этом более рыхлое, мягкое и со сравнительно коротким сроком хранения [11]; *буханец* («Вечера на хуторе близ Диканьки» [1]) — это белый пшеничный хлеб небольшого размера [11]; *вареники* («Ночь перед Рождеством» [1]) — украинское национальное блюдо из пресного отварного теста с разнообразной начинкой: творожной, картофельной, луковой, капустной, грибной, фруктовой (яблочной, вишневой) [11]; *варенье* («Мертвые души» [1]) — традиционный десерт у восточных славян, а также народов Закавказья, получаемый путём варки фруктов или ягод, реже овощей, молодых грецких орехов, молодых сосновых шишек, лепестков роз, с сахаром с целью консервирования [11]; *ватрушки* («Мертвые души» [1]) — круглые, открытые сверху и защипанные только с краёв лепешки с наполнителем [11]; *ветчина* («Мертвые души» [1]) — просоленный и прокопчённый свиной окорок, задняя или реже передняя лопатка [11]; *галушки* («Майская ночь, или утопленница» [1]) — блюдо восточноевропейской и частично северо-кавказской кухонь, представляющее собой отваренные в кипящей воде кусочки теста [11]; *гарнир* («Мертвые души» [1]) — добавление к основному блюду или напитку, используемое в качестве украшения тарелки или для придания дополнительного или контрастного вкуса, которое обычно не едят [11]; *гречаник* («Вечера на хуторе близ Диканьки» [1]) — это такая себе разновидность обычных котлет, за основу в которых используют отваренную гречневую крупу [11]; *гречневая каша* («Мертвые души» [1]) — каша, приготавливаемая из гречневой крупы, популярное блюдо русской, белорусской, украинской и польской кухонь [11]; *грузди* («Мертвые души» [1]) — съедобный гриб семейства сыроежковые; *жаркое* («Ревизор» [1]) — мясное блюдо, жареное мясо из какой-либо части животного, приготовленное в русской печи; *сычуг* («Мертвые души» [1]) — часть желудка жвачных (последний отдел сложного желудка жвачных животных), железистая часть [11]; *творог*

(«Мертвые души» [1]) — кисломолочный продукт, приготовленный на основе молока коров или коз [11]; *товченики* («Сорочинская ярмарка» [1]) — кулинарные изделия в форме шариков, приготовленных из рубленого мяса, смешанного с мукой, перцем, солью и отваренных в кипятке [11]; *шишка* — («Вечера на хуторе близ Диканьки» [1]) — это булочки, приготовленные из дрожжевого теста, которые раздаются гостям праздника или на поминах [11] и т. д.

2) «Процесс приготовления (заготовки/хранения) пищи», группа содержит 65 примеров ЛЕ. Приведём некоторые из них: *отварные вареники* («Ночь перед Рождеством» [1]) — отварное блюдо, варка вареников по своей сути представляет приготовление теста в кипятке [11]; *отварные галушки* («Мертвые души» [1]) — процесс приготовления блюда из заварного теста [11]; *парные пироги* («Ночь перед Рождеством» [1]) — процесс подогрева остывших пирогов в русской печи с помощью выпаривания жидкости вблизи пирога, тогда пирог становится тёплым и мягким [11]; *отварное мясо* («Вечера на хуторе близ Диканьки» [1]) — процесс варки мяса [11]; *заливной пирог* («Вечера на хуторе близ Диканьки» [1]) — способ приготовления пирога, при котором начинка помещается между нижним и верхним заливным (жидким) слоем из теста [11]; *холодные блюда* («Мертвые души» [1]) — блюда, которые по технологии подаются холодными [11]; *горячие закуски* («Сорочинская ярмарка» [1]) — блюда, которые готовятся в печи и подаются в горячем виде [11]; *печёные пышки* («Сорочинская ярмарка» [1]) — изделия из пышного дрожжевого теста, пропечённые в печи [11]; *парное молоко* («Майская ночь, или утопленница») — молоко, еще теплое, сцеженное сразу после кормления коровы (козы) [11]; *квашеные огурчики* («Женитьба» [1]) — консервированные в бочке огурцы, которые приготавливаются с помощью брожения [11]; *дрожжевая опара* («Вечера на хуторе близ Диканьки» [1]) — процесс сквашивания дрожжевого теста [11]; *заливное мясо* («Мертвые души» [1]) — мясо, заливаемое студнем и застывшее в холоде [11] и др.

3) «Процесс потребления пищи (застолье/гостеприимство/наслаждение пищей)» — насчитывает 31 ЛЕ. Данная характеризующая группа является самой малочисленной. Далее приведём некоторые примеры характеризующие данную категорию: *хлепать щи* («Вечера на хуторе близ Диканьки» [1]) (от фразеологической единицы (далее ФЕ) «лаптем щи хлепает», то есть живёт в страшной нищете и невежестве, в свою очередь «не лаптем щи хлепает» — быть человеком небедным, хватким и сообразительным) — о чьей-либо некультурности, необразованности, отсталости [11]; *распивать брагу* («Сорочинская ярмарка» [1]) (от ФЕ — закреплять дружбу особым застольным обрядом) предполагает совместное дружеское распитие спиртного) в данном случае в честь празднования ярмарки [11]; *наслаждаться галушками* («Вечера на хуторе близ Диканьки» [1]) — образное выражение, в данном случае галушки олицетворяют простое доступное блюдо из теста, отваренное в кипящей воде кусочки теста, которые подают как отдельное блюдо (с маслом или со сметаной), олицетворяет простоту быта казачества [11]; *потчевать мясом* («Мертвые души» [1]) — образное выражение, в данном случае означает — щедрость застолья, так как мясо простому народу было доступно крайне редко [11]; *щи хлепать* («Майская ночь, или утопленница» [1]) образное выражение, обозначающее простоту и доступность в бытовом значении [11]; *мясное застолье* («Сорочинская ярмарка» [1]) — также означает размах и щедрость застолья [11]; *проглатывать вареники* («Ночь перед Рождеством» [1]) — образное выражение, обозначает спешку [11]; *прихлёбывать чай* («Мертвые души» [1]) — обозначает процесс чаепития [11]; *застольничать супом* («Ревизор» [1]) — процесс принятия обеденной пищи [11]; *наслаждаться обедом* («Ревизор» [1]) — обозначает процесс удовольствия от потребления пищи в обеденное время [11]; *трапезничать голубцами* («Ревизор» [1]) — выражение характеризует медленный размеренный процесс поедания блюда [11]; *щи из*

ушей лезут («Вечера на хуторе близ Диканьки» [1]) образное выражение, означающее избыток чего-либо, признак наслаждения жизнью, достаток и благополучие [11] и т. д.

Приведённых примеров из художественных произведений Н.В. Гоголя достаточно, чтобы увидеть, что гастрономические образы — излюбленный художественный приём писателя на протяжении всего его творчества. Кроме того, следует акцентировать внимание на то обстоятельство, что использование кулинарной лексики автором очень многопланово и помогает заглянуть в «творческую кухню» художественного текста, мастерское использование художественных образов и ярких метафор, которые открывают самого автора, грани его таланта, вызывают интерес к его личности и его творчеству. В языке Гоголя проявляются характер, привычки, особенности его художественной и бытовой жизни.

Благодаря семантике образов пищи и тех процессов, что связаны с принятием пищи, их значения проникают не только в содержание произведений, но и в язык и стиль, преломляются метафорически, способствуют созданию того контраста, который отличает художественную манеру писателя и его прославленное мастерство.

Слова с семантикой пищи и процесса её принятия, используемые автором при создании комических образов героев, подчёркивает также пародийность самого произведения. «Еда / напитки» как составляющая категории «процесс принятия пищи» представляют собой пласт культурно-исторической реально-бытовой лексики с соответствующим значением. Пищевые подробности данной категории служат украшением авторского текста. Анализ лексики с обозначением процесса приготовления пищи, позволяет сделать вывод о том, что данное семантическое поле занимает важное место в художественных произведениях Гоголя, как и в целом в системе русского национального языка.

Таким образом, предметная детализация лексики со значением процесса принятия пищи в художественных текстах Н. В. Гоголя занимает важное место, скрашивая сюжет. Она сводится к пышному, развёрнутому описанию кулинарных реалий, а пищевые подробности, приведённые в тексте, всегда несут в себе важные, непосредственные значения. Гоголь, как истинный мастер слова, увлекается их описанием, создавая картины застолья, поэтому некоторые кулинарные реалии вводятся автором для создания особенного национального колоритного времени. Самые мельчайшие подробности внешнего вида блюда, его составляющих, процесса создания и потребления блюд, различные сравнения или приведение каких-либо фактов, касающихся состояния данного изделия, помогают автору создать яркую образную картину быта своего времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гоголь Н. В. Вечера на хуторе близ Диканьки [Текст] / Н. В. Гоголь. — Санкт-Петербург: Азбука. — 2007. — 590 с.
2. Дышлевый П. И. Что такое общая картина мира [Текст] / П. И. Дышлевый, Л. В. Яценко. — Москва: Знание, 1984. — 64 с.
3. Жуховицкий Л. А. Время Гоголя / Л. А. Жуховицкий // Нева, 2009. — № 3. — С. 213–217.
4. Заманова И. Ф. «Вечера на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя: пространство и время: Монография / И. Ф. Заманова, Н. В. Бардыкова. — Белгород: Изд-во БелГУ, 2005. — 168 с.
5. Колева И. П. О комическом в творчестве Н.В. Гоголя: традиции и новаторство / И. П. Колева // Русская словесность, 2008. — № 1. — С. 18–25.
6. Константинова С. С. Этнология. Конспект лекций [Текст] / С. С. Константинова. — Ростов-на-Дону: Феникс, 2005. — Корнилов О.А. 176 с.
7. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов / О. А. Корнилов. — Москва: ЧеРо, 2003. — 287 с.

8. Миронова И. К. Концептосфера «Еда» в русском национальном сознании: базовые когнитивно-пропозициональные структуры и их лексические репрезентации: дис. на соискание учёного степеней. канд. филол. наук: спец. 10.02.01 «русский язык» / И. К. Миронова. — Екатеринбург, 2002. — 587 с.
9. Музовецкая М. Ю. Метапоэтика художественных произведений Н. В. Гоголя // Человек и культура. — 2021. — № 3. — С. 7–9.
10. Онлайн-источник национального корпуса языка 2023. [Электронная версия]: <https://processing.ruscorpora.ru>
11. Саяхова Л. Г. Тематический словарь русского языка / Л.Г. Саяхова, Д.М. Хасанова, В.В. Морковкин. Под ред. проф. В. В. Морковкина. — М.: Русский язык, 2000. — 560 с.
12. Филиппова Е. В. Семантическая изотопия «еда» в художественном тексте. На материале малой прозы 60–80 гг. 20 века: дис. на соискание учёного степеней. канд. филол. наук: 10.02.01 «русский язык» / Е. В. Филиппова. — Ставрополь, 2004. — 201 с.

Поступила в редакцию 21.03.2024 г.

D. A. Kalmykova

LEXICO-SEMANTIC GROUP "FOOD/DRINKS" AS A COMPONENT OF THE "EATING PROCESS" CATEGORY IN THE WORKS OF N.V. GOGOL

This research paper examines the gastronomic images found in the works of N.V. Gogol. The issues solved in the course of this study allow us to take a fresh look at the content of fiction texts, expand our understanding of the role of "food/ drinks" and the processes of its preparation and consumption, since cooking occupied an important place in Gogol's life.

Key words: structure, semantics, lexical unit, semantic field, category, gastronomic vocabulary.

Калмыкова Дарья Андреевна.
Донецкий государственный университет,
г. Донецк, РФ.
Аспирант.
E-mail: darya-kalmikova@mail.ru.

Kalmykova Daria Andreevna.
Donetsk State University, Donetsk, RF.
Postgraduate student.
E-mail: darya-kalmikova@mail.ru.

УДК 81'42

Е. С. Хомякова © 2024

*Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Белгородский государственный национальный
исследовательский университет»
(Научн. рук. — д-р филол. наук, проф. И. И. Чумак-Жунь)*

ЭМОТИВНЫЕ СМЫСЛЫ КОНЦЕПТА ‘САД’ В ПОЭТИЧЕСКОМ ИДИОСТИЛЕ Б. А. АХМАДУЛИНОЙ

В статье анализируется эмотивное окружение репрезентантов одного из ключевого для русской культуры концепта ‘Сад’ в поэтических произведениях Б. А. Ахмадулиной. Исследование доказывает, что текст художественного произведения насыщен эмотивной лексикой, создающей его эмотивное пространство и отражающей внутренний мир лирической героини. Анализ эмотивов позволяет понять авторский замысел и выявить значимость слов с эмотивной семантикой в создании ключевых образов.

Ключевые слова: эмотив, оценочная лексика, оценочность, идиостиль.

Проблема соотношения языковых средств и испытываемых человеком эмоций привлекла внимание лингвистов во второй половине XX века: в отечественной и зарубежной науке появляются труды о способах манифестации эмоций в речи [5], [10], зарождается новое направление — лингвистика эмоций, что можно считать следствием реализации тенденции к антропоцентрическому описанию лингвистических явлений.

Слова, выражающие чувства, определяются в современной научной литературе как эмотивная лексика. Поскольку наше сознание содержит как логическое, так и

эмоциональное, волевое отображение действительности, то язык, «материализуя результаты познавательной деятельности, отражает как рациональную, так и чувственную, эмоциональную сторону данной деятельности» [13, с. 64], и «наряду с закреплением результатов познавательной деятельности в языке должны получать выражение различные переживания и состояния субъекта, его отношение к окружающему, к другим людям и самому себе» [8, с. 232]. Современные социологи, психологи и лингвисты отмечают усиливающуюся роль эмоций и их активное участие в коммуникативных процессах [9], [3], [15], [1], [17]. При этом, несомненно, крайне актуальным представляется исследование эмотивной лексики в поэтическом идиостиле, так как ее анализ способствует воссозданию индивидуально-авторской картины мира, отражающей весь спектр знаний человека об окружающем мире и о самом себе.

По мнению одного из авторитетнейших ученых в области лингвистики эмоций В. И. Шаховского, человек и испытываемые им эмоции — это часть объективной действительности существования и использования языка. Чтобы активно выражать эмоции, субъект должен использовать язык в качестве средства, дающего возможность такого выражения. Таким образом, язык — это средство выражения эмоций, а сами эмоции человека — это форма отражения отношения человека к миру [20, с. 68]. Как справедливо замечает ученый, язык — это ключ к пониманию человеческих чувств, поскольку он «называет и номинирует эмоции, дает их описание или только указывает на них» [20, с. 18]. Иными словами, языковые средства позволяют репрезентировать эмоции разными способами.

Для манифестации эмоций используется эмотивная лексика, имеющая как положительную, так и отрицательную оценочность. Ряд лингвистов причисляет к эмотивным лексемам «ласкательные слова, бранные слова, междометия (так как только они передают одобрение или неодобрение, презрение и восхищение, насмешку, иронию, нежность и т. д.) и слова, эмоциональная значимость которых создается с помощью словообразовательных суффиксов» [6, с. 136]. Так, лексема *дождь* эмоционально нейтральна: не номинирует, не описывает и не выражает эмоции. Но, произнесенная с различными интонациями, она может являться «знаком эмоционального отношения, а конкретная эмоция может сопрягаться с оценочной зоной радости, ликования, восторга или раздражения» [18, с. 120].

В современной лингвистике под эмотивной лексикой понимается вся совокупность лексических средств, с помощью которых выражаются эмоции [10, с. 11]. Это определение воплощает широкое понимание эмотивности, при котором любые языковые единицы, выражающие эмоции, относятся к эмотивной лексике.

В данной статье мы придерживаемся подобного широкого понимания эмотивности и анализируем не только слова с эмотивным значением (названия эмоций), но и слова с эмотивным компонентом значения (коннотативы, экспрессивы), с оценочным значением (общеоценочные лексеммы типа *хороший, плохой, противный, превосходный*), а также слова с оценочным компонентом значения.

Эмотивность и оценочность — полистатусные категории, которые могут проявляться в художественном тексте на нескольких уровнях. Очевидно, что выражение эмоций при помощи **лексических средств** языка — доминирующий способ: он позволяет говорящему при помощи отбора определенных лексических средств выразить свои эмоции и воздействовать через них на слушателя. Анализируя эмотивную лексику в художественном произведении, необходимо учитывать контекст предложения или целой строфы.

Морфологический способ выражения эмоций предполагает, что эмоциональное состояние в русском языке можно передать при помощи различных словообразовательных средств языка, грамматических форм, а также практически любой частью речи, но 90 % эмотивной лексики составляют глаголы, существительные и прилагательные [2, с. 155].

Синтаксический способ манифестации эмоций проявляется в эмоционально-логическом соотношении и расположении слов в предложениях. С эмоциональной точки зрения синтаксические конструкции можно разделить на следующие типы: именные конструкции, риторические вопросы, синтаксические повторы, риторические восклицания [4, с. 21].

Художественный текст — продукт дискурсивной практики, творческой речемыслительной деятельности, осуществляемой в пределах поэтической дискурсивной среды — «...интегративного образования, системного субстрата, в котором происходят процессы реального речепроизводства и которое определяет своеобразие поэтического дискурса в целом» [16, с. 52]. Эмотивная информация — наиболее значимый компонент поэтического текста, смысл которой передается при помощи образов. А образ, в свою очередь, передается при помощи концепта.

Мы проанализировали эмотивное окружение репрезентантов одного из ключевого для русской культуры концепта ‘Сад’ в поэтических произведениях Б. А. Ахмадулиной.

В лирике Б. А. Ахмадулиной частеречная принадлежность эмотивной лексики разнообразна, однако важнейшую роль играют имена прилагательные (18 употреблений). Кроме того, мы выявили 7 случаев употребления эмотивных существительных, 6 случаев употреблений глаголов-эмотивов, 2 — причастия, 2 — междометия.

Имена **прилагательные** и **причастия**, как правило, выполняют функцию эмоциональной характеристики: дают общую характеристику объекту или субъекту, обозначают их эмоциональное состояние. Эмотивное причастие или прилагательное выражает эмоциональное состояние, при этом обозначаемый признак переносится в область эмоционально-коннотативного значения: он может эксплицировать эмоцию, обозначать эмоциональное состояние или эмоциональное отношение. Общие оценки выражают только отношение субъекта к объекту по признаку «хорошо/плохо», поэтому эмотивное причастие или прилагательное обозначает положительные или отрицательные (с точки зрения морали) качества.

Так, лирическая героиня Б. А. Ахмадулиной использует следующие оценочные **определения** для создания образа сада:

1) положительная оценочность: *греховодно-райский* («Шесть дней небытия не суть нули...»), *богобоязненный* («Лишь июнь сортавальские воды согрел...»), *свободен сад* («Палец на губах»), *заботливый мой погубитель* («Сад-всадник»), *обморочный сад* («Черемуха»), *невинный Летний сад* («Ленинград»), *глубокий нежный сад* («Глубокий, нежный сад, впадающий в Оку...»), *«сильная природа» сада* («Мне вспоминать сподручней, чем иметь...»), *нежный сад* («Прощай! Прощай! Со лба сотру...»), *призрачный сад* («Я возжигала в полночь две свечи...»), *«Всегда быть...не злей, чем дерево в саду...»* («Дом»), *прекрасный круг сада* («Случилось так, что двадцати семи...»), *райский* («Моя родословная»), *в чистый север сада* («Симону Чиковани»), *совершенные плоды* («Садовник»);

2) отрицательная оценочность: *беспризорный сад* («Палец на губах»), *чуждые сады* («Зима на юге. Далеко зашло...»), *сирени неопрятные соцветья* («Август»), *заглохший сад* («Дачный роман»), *потрясенный сад* («Не писать о грозе»).

Оценка сада передает качества этого пространства сквозь призму индивидуального восприятия лирической героини. Иными словами, коннотация, заключенная в именах прилагательных *прекрасный*, *совершенный*, *нежный* и пр. направлена на выражение психических свойств и состояний одушевленного объекта, чьи действия влияют на оценку со стороны субъекта: действия, оцениваемые субъектом как правильные, влекут положительную оценку, и наоборот.

Отметим, что объективное своеобразие предмета может быть полностью вытеснено эмоциональной характеристикой, как бы «навязанной» читателю авторским восприятием. Так, в поэзии Б. А. Ахмадулиной крайне редко встречаются определения,

касающиеся физических характеристик сада, но его положительная оценка несомненна и создается при помощи ярких эпитетов: *свободный, сильный, райский* и т.д.

Прилагательные-эмотивы и причастия-эмотивы с отрицательной оценочностью нетипичны для идиостиля Б. А. Ахмадулиной: нами выявлено всего пять употреблений. Так, сад чувствует себя *беспризорным* в отсутствие лирической героини. Она сама, «северянка», называет себя предательницей, сбежавшей на юг в *чуждые сады*, и корит за это. *Неопрятные* соцветья сирени лирическая героиня замечает в августе в заброшенном саду: действительно, растение, цветущее в конце мая, осенью выглядит неприглядным. Сад именуется *заглохшим*, когда лирическая героиня мечтает сблизиться с соседом по даче, чья жизнь привлекает ее. Причастие *потрясенный* сад демонстрирует состояние пространства во время грозы, разгулявшейся стихии. Таким образом, отрицательная оценка сада связана с конкретными ситуациями, а не с обобщенным представлением об этом пространстве.

Среди **глаголов-эмотивов** мы выделили следующие: *пугались дом и сад, сад начинал грустить* («Палец на губах»), «*Как я люблю...и дом, и сад...*» («Мне вспоминать сподручней, чем иметь...»), «*Невинный Летний сад обрѣк себя на иней...*» («Ленинград»), «*Усни, не таращи на луну этажи, / не мучь Александровским садом*» («Москва ночью при снегопаде»), «*мучатся в саду / растений полумертвые подранки*» («Зима на юге. Далеко зашло...»).

Основная лексико-семантическая группа глаголов обозначает протекание эмоций, пребывание субъекта в эмоциональном состоянии: *пугаться, грустить, любить, мучиться*. Отметим, что образ сада часто предстает персонифицированным, способным испытывать весь спектр человеческих эмоций: он боится приезжающих людей, чуждых ему (в отличие от лирической героини, близкой саду по духу), сад способен мучиться и мучить сам. Очевидно преобладание лексики, выражающей отрицательные эмоции, что связано с общим отношением Б. А. Ахмадулиной к пространству сада: она ощущает его связь с прошлым, безвозвратно потерянным, ненужность в настоящем и открыто признается в своих чувствах: «*Как я люблю...*». Лексема *любить*, выражающая базовую эмоцию любви, подкрепляется и усиливается синтаксической конструкцией с наречием *как*, что позволяет судить о силе чувства лирической героини к саду.

Обилие глаголов при передаче эмоционального состояния может объясняться его частеречной динамичностью, возможностью обозначать процесс становления эмоции (*начинал грустить*), определять длительность протекания (*мучаться*) и интенсивность эмоции (*любить*).

К **существительным-эмотивам** можно отнести следующие лексемы: *погубитель, охранитель* («Сад-всадник»), «*Этот ад, этот сад, этот зоо*» («Два гепарда»), «*совпали страсть и грусть, восторг и сожаленье, / обилье стольких чувств стесняло Летний сад*» («Роза на окне»).

Лексема *ад* — нетипичное для идиостиля Б. А. Ахмадулиной окружение слова *сад*. Однако стоит принять во внимание, что в стихотворении «Два гепарда» описывается зоосад — место, где животные находятся в неволе, отсюда и отрицательная оценочность.

Особо отметим контекст, где эмоции передаются с помощью высокой концентрации эмотивной лексики: *страсть и грусть, восторг и сожаленье* («Роза на окне»). Разнонаправленность лексики, манифестирующей разные эмоции, передает сложность чувств, испытываемых садом. Противоречивые эмоции представляют взаимосвязанное единство. Более того, сад и сам предстает двуликим существом: он одновременно и *погубитель* (но отрицательную коннотацию заметно смягчает прилагательное *заботливый*), и *охранитель* лирической героини.

Чувство любви передает эмотивное **наречие** *нежно*, так как в его значении содержится сема *проявление чувства любви*. Данный эмотив указывает на особую ласковость, мягкость в проявлении чувства. Обратим внимание на вновь

актуализированную связь сада с прошлым: он пахнет не чем иным, как *прошлым*, и запах этот воспринимается лирической героиней как *нежный*: *нежно / столетьем прошлым пахнет сад* («Сон»). Несомненно, это имплицитно выраженное признание в любви саду и ушедшей эпохе.

Наречие-эмотив *странно* также передает чувства лирической героини: странное — то есть вызывающее недоумение, удивление: *странно засияют плоды* («Садовник»). Однако в контексте стихотворения анализируемая лексема имеет скорее положительную оценку: лирическая героиня верит, что труды садовника будут ненапрасными, «*несъедобные фрукты*» превратятся в «*совершенные плоды*».

Междометия — неизменяемая часть речи, непосредственно выражающая чувства говорящего. Значение, отражающееся междометием, вариативно: оно опирается на конкретную ситуацию и зависит от нее. В основе эмотивного междометия заложена мгновенная эмоциональная реакция на окружающую действительность. В лирике Ахмадулиной междометия эксплицируют положительную реакцию лирической героини и содержат положительную оценку объекта, что усиливается синтаксическим построением фразы (риторическим восклицанием) и лексическим окружением (словами с положительной коннотацией): *О сад мой, заботливый мой погубитель! О сад-охранитель!* («Сад-всадник»). Таким образом, контекст позволяет уточнить и сузить семантику междометия, точно дифференцировать его смысл как однозначно положительный.

Результаты анализа стихотворений Б. А. Ахмадулиной доказывают: текст художественного произведения насыщен эмотивной лексикой, что создает его эмотивное пространство. Основные эмоции лирической героини по отношению к саду: любовь, восхищение, нежность, что соотносится с русской национальной традицией: усадьбы и сады — неотъемлемая часть нашей культуры, так ценимая поэтессой.

Эмотивная лексика создает содержательную структуру стихотворения и отражает внутренний мир лирической героини. В лирических сюжетах преобладает мажорная тональность: сад — пространство, где протекает не только физическая, но и духовная жизнь героини. Она ощущает духовное родство со свободным топосом сада.

Обилие эмотивов позволяет сделать вывод о качестве эмоциональной связи, существующей между лирическими героями и садом. Нахождение в саду, осознание близости с ним сопровождается эмоциями, выражающимися с помощью эмотивной лексики.

Таким образом, анализ эмотивной лексики позволяет читателям проникнуть в авторский замысел и внутренний эмоциональный мир образов, выявить значимость слов с эмотивной семантикой в создании ключевых образов (в частности, доминантного образа сада) и узнать эмоциональный мир лирических героев.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка / Ю. Д. Апресян // Избранные труды. — М.: Языки русской культуры, 1995. — Т.1. — 742 с.
2. Бабенко Л. Г. Эмотивная лексика в структуре предложения / Л. Г. Бабенко // Классы слов в синтагматическом аспекте. — Свердловск: Изд-во Уральского гос. ун-та, 1988. — С. 145–156.
3. Брагина Н. Г. Имена чувств и их лексические коллокации в контексте культуры / Н. Г. Брагина // Семантика языковых единиц. Ч. 2. Фразеологическая семантика. Словообразовательная семантика: Доклады 4-й Международной конференции. — М.: Альфа, 1994. — С. 7–10.
4. Ван Т. Эмотивная лексика в художественном тексте: функционально-семантический аспект (на материале повести Маши Трауб «О чём говорят младенцы») / Т. Ван. — СПб., 2016. — 90с.
5. Виллонас В. К. Психология эмоциональных явлений / В. К. Виллонас. — М.: Изд-во МГУ, 1976. — 143 с.
6. Галкина-Федорук Е. М. Современный русский язык / Е. М. Галкина-Федорук. — М.: Высшая школа, 1954. — 336с.
7. Галкина-Федорук Е. М. Современный русский язык / Е. М. Галкина-Федорук // Ч. 1. Лексикология. — М., 1962. — 261 с.

8. Кукушкина Е. И. Познание, язык, культура / Е. И. Кукушкина. — М., 1984. — С. 228–239.
9. Лебедева Е.К. Метафора как средство описания внутреннего эмоционального состояния человека / Е. К. Лебедева // Общая стилистика и филологическая герменевтика. — Тверь: Изд-во Тверского ун-та, 1991. — С. 54–68.
10. Лукьянова Н. А. О соотношении понятий экспрессивность, оценочность / Н. А. Лукьянова // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Вып. 5. — Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1976. — С. 3–21.
11. Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику: учеб.пособие / В.А. Маслова. — М.: Флинта: Наука, 2012. — 296 с.
12. Покровская Я. А. Метафора как средство обозначения концепта гнева / Я. А. Покровская // Языковая личность: культурные концепты. — Волгоград — Архангельск: Перемена, 1996. — С. 183–189.
13. Прокопчук А. А. Предложения с эксплицитно выраженными эмотивными значениями и их формы / А. А. Прокопчук // Предложение и текст в семантическом аспекте. — Калинин, 1978. — С. 59–72.
14. Романов Д. А. Языковая репрезентация эмоций: уровни, функционирования и системы исследований (на материале русского языка): автореф. дис. ... док.филолог. наук: 10.02.01; 10.02.19 / Д. А. Романов. — Белгород.гос. ун-т. — Белгород, 2004. — 48 с.
15. Феоктистова А. Б. Роль образного основания в формировании семантики и прагматики идиом и его функции (на материале идиом, обозначающих чувства) / А. Б. Феоктистова // Семантика языковых единиц. Часть 2. Фразеологическая семантика. Словообразовательная семантика: Доклады 4-ой Международной конференции. — М.: Альфа, 1994. — С. 82–84.
16. Чумак-Жунь И. И. Операторы выражения эмотивных смыслов в поэтическом тексте / И. И. Чумак-Жунь, А.В. Бондарь // Научные ведомости БелГУ. Серия: Гуманитарные науки. — 2015. — № 6 (203). — Вып. 25. — С.52–59.
17. Шаховский В. И. Эмотивный компонент значения и методы его описания / В. И. Шаховский. — Волгоград, 1983. — 168 с.
18. Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка / В.И. Шаховский. — Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1987. — 192 с.
19. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций: Монография / В. И. Шаховский. — М.: Гнозис, 2008. — 416 с.
20. Шаховский В. И. Голос эмоций в языковом круге homosentiens/ В. И. Шаховский. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. — 144 с.

Поступила в редакцию 25.03.2024 г.

E. S. Khomyakova

EMOTIONAL MEANINGS OF THE CONCEPT “GARDEN” IN THE POETIC IDIOSTYLE OF B.A. AKHMADULINA

The article analyzes the emotional environment of representatives of one of the key concepts for Russian culture, “Garden,” in the poetic works of B.A. Akhmadulina. The study proves that the text of a work of art is saturated with emotive vocabulary, creating its emotive space and reflecting the inner world of the lyrical heroine. Analysis of emotives allows us to understand the author’s intention and identify the randomness of words with emotive semantics in the depiction of key images.

Key words: emotive, evaluative vocabulary, evaluativeness, idiostyle.

Хомякова Екатерина Сергеевна.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
г. Белгород, РФ.
Аспирант.
E-mail: 1589559@bsu.edu.ru

Khomyakova Ekaterina Sergeevna

Belgorod National Research University,
Belgorod, RF.
Postgraduate student.
E-mail: 1589559@bsu.edu.ru

Чумак-Жунь Ирина Ивановна.

Доктор филологических наук, профессор.
Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, РФ.
Заведующий кафедрой русского языка и русской литературы НИУ «БелГУ».
E-mail: chumak@bsu.edu.ru

Chumak-Zhun Irina Ivanovna.

Doctor of Philology, Professor.
Belgorod National Research University
Belgorod, RF.
Head of the Department of Russian Language and Russian Literature.
E-mail: chumak@bsu.edu.ru

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ

1. Для публикации в журнале «Новые горизонты русистики» принимаются оригинальные научные работы, содержащие результаты исследований, относящиеся к отраслям наук:

5.8. Педагогика:

5.8.2. Теория и методика обучения и воспитания (Русский язык).

5.9. Филология:

5.9.1 Русская литература и литература народов Российской Федерации;

5.9.5 Русский язык. Языки народов России.

В журнале имеются следующие разделы:

- Лексикология и стилистика;
- Дискурсология и генристика;
- Словообразование и грамматика;
- Методика преподавания русского языка;
- Литература и лингвистический анализ художественного текста.

2. Статьи, представленные для публикации в других журналах, к рассмотрению не принимаются. Решение о публикации принимается редакционной коллегией журнала после рецензирования, с учётом научной значимости и актуальности представленных материалов. Рукописи, не соответствующие редакционным требованиям, и статьи, не соответствующие тематике журнала, к рассмотрению не принимаются. В случае отклонения статьи редакция направляет авторам либо рецензии или выдержки из них, либо аргументированное письмо редактора. Редколлегия не вступает в дискуссию с авторами отклонённых статей, за исключением случаев явного недоразумения. Рукописи авторам не возвращаются. Статья, задержанная на срок более трех месяцев или требующая повторной переработки, рассматривается как вновь поступившая. Редакция оставляет за собой право проводить редакционную правку рукописей. Корректур статей авторам не высылаются. Статья присылается в виде прикрепленного файла электронного письма в формате * doc и * rtf, названных по фамилии автора, например: ivanov.doc. и ivanov.rtf.

Статья отправляется на электронный адрес редакции: donrus452@yandex.ru.

Отдельным файлом прикладывается сканированная или сфотографированная с высоким разрешением подписанная заявка на публикацию следующего содержания:

Я, Ф. И. О., должность (статус — студент (Student), магистрант (Undergraduate student), аспирант (Postgraduate student)), место работы, прошу редколлегию научного журнала «Новые горизонты русистики» принять к рассмотрению мою статью (название), а также даю согласие уполномоченным должностным лицам редакционной коллегии журнала «Новые горизонты русистики», зарегистрированного по адресу: 283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24, 1 корпус, филологический факультет (ауд. 451, 452)., на обработку моих персональных данных.

3. Внимание! Обязательные требования к оформлению статей:

- текст печатается в текстовом процессоре MS Word;
- объём статьи — от 6 до 12 страниц;

- формат страницы — А 4;
- страницы не нумеруются;
- поля: сверху и внизу — 2,5 см, слева — 3 см, справа — 2 см;
- основной шрифт: Times New Roman, размер 12, стиль нормальный;
- абзацный отступ — 1 см;
- межстрочный интервал — 1;
- первая строка — индекс УДК в верхнем левом углу страницы (без абзацного отступа и начертания);
- вторая строка — инициалы (перед фамилией) и фамилия автора печатаются с выравниванием по правому краю полужирным курсивом: *М. Н. Иванова*;
- третья строка — официальное полное название учебного заведения (*выравнивание по правому краю, курсив*);
- четвертая строка — сведения о научном руководителе — печатается с выравниванием по правому краю курсивом в круглых скобках — (*Научн. рук. — д-р филол. наук, проф. В. И. Теркулов/канд. филол. наук Н. В. Гладкая*));
- пятая (и при необходимости 6, 7 и т. д.) строка — название статьи — печатается большими буквами жирным шрифтом с выравниванием по центру;
- через строчку — **аннотация** на русском языке (10 кегль) **объемом от 80 до 100 слов (7–10 строк)**, которая должна кратко отражать цели и задачи проведенного исследования, а также его основные результаты. *Ключевые слова (5–7 слов, курсивом)*;
- текст набирается без переносов (выравнивание по ширине);
- в тексте допускаются выделения курсивом, жирным шрифтом, разрядкой (но не подчеркиванием);
- для названий произведений используются «угловые» кавычки: «Война и мир»;
- цитирование, прямая речь и т. д. оформляются угловыми кавычками вида «...»; при необходимости использовать кавычки внутри цитаты, внешними должны быть «угловые» кавычки: «...,...“...»;
- необходимо правильно употреблять тире (—) и дефис (-); различие заключается в размере и наличии пробелов перед и после тире: Жуковский — поэт-романтик; первый знак — пунктуационный, второй — орфографический;
- если стихотворные тексты печатаются как включение в текст, то стихи разделяются наклонной чертой, а строфы — двумя наклонными чертами: Ты этого хотел. — Так. — Аллилуйя. / Я руку, бьющую меня, целую. // В грудь, оттолкнувшую — к груди тяну, / Чтоб, удивясь, прослушал тишину. (М. Цветаева. Пригвождена...); если стихи воспроизводятся с соблюдением строфического оформления, то необходимо использовать следующие параметры: размер шрифта — 12, межстрочный интервал одинарный, абзацный отступ — 4 см:

*В нем пуниа и войны кипит всегдашний жар,
На Марсовых полях он грозный был воитель.
Друзьям он верный друг, красавицам мучитель,
И всюду он гусар.*

(А. Пушкин. К портрету Каверина)

ЛИТЕРАТУРА (10 кегль без абзацного отступа, полужирное начертание, выравнивается по центру). Список литературы оформляется как нумерованный в алфавитном порядке; публикации, принадлежащие одному и тому же автору, располагаются в соответствии со временем их опубликования. Выравнивание по

ширине. Описание производится на языке оригинала в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание» и ГОСТ 7.05-2008 «Библиографическая ссылка». Ссылка на источник дается в квадратных скобках издания: [15, с. 12]; при необходимости указать том издания, его вписывают римскими цифрами после номера: [7, VII, с. 35–36] Ссылки допускаются только на опубликованные работы. Необходимо включение в список как можно больше свежих первоисточников по исследуемому вопросу (не более чем трех-четырёхлетней давности). Не следует ограничиваться цитированием работ, принадлежащих только одному коллективу авторов или исследовательской группе.

Образцы оформления литературы:

1. Андреева С.В. Речевые единицы устной русской речи: система, зоны употребления, функции / С.В. Андреева // Изд. 2. — Саратов: КомКнига, 2006. — 192 с.
2. Попова З. Д. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. — М.: Восток — Запад, 2007. — 314 с.
3. Влавацкая М.В. Учение о синтагматических связях слов в историческом рассмотрении / М.В. Влавацкая // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2009, № 1. — С. 36–42.
4. Комаров, Г.В. Национально-культурная специфика новой лексики английского языка : автореф. дис. ... канд.. филолог, наук: 10.02.19 — теория языка / Комаров Георгий Владимирович — Краснодар, 2007. — 24 с.
5. Берн Э. Игры, в которые играют люди (психология человеческих взаимоотношений) / Э. Берн. — Режим доступа: <http://www.lib.ru/PHINO/BERN>

После списка литературы курсивом (10 кегль, выравнивание по левой стороне) делается запись:

Поступила в редакцию xx.xx.20xx г.

Далее приводятся:

- инициалы и фамилия автора (авторов) (полужирный курсив — выравнивание по правому краю)

на английском языке;

- название статьи (полужирный шрифт — выравнивание по центру) **на английском языке;**

- текст аннотации **на английском языке** (10 кегль);

- ключевые слова **на английском языке** (курсив).

В конце статьи обязательно параллельно в таблице на русском и английском языках указываются (10 кегль, выравнивание по ширине, без абзацного отступа) следующие сведения об авторах и научных руководителях (для каждого автора — отдельная строка):

- Фамилия, имя, отчество полностью (полужирный).
- Ученая степень и звание (если есть) (без выделения).
- Полное название организации — места работы или учёбы каждого автора, город, страна (без выделения).
- Должность или статус (студент, магистрант, аспирант) (без выделения).
- Адрес электронной почты.

В конце каждой строки ставится точка.

В отдельном файле и на отдельном листе подаются **фамилия и инициалы автора**, а также **название статьи на русском и английском языках**. При этом **фамилия и инициалы автора** набираются через неразрывный пробел и с разреженным межбуквенным интервалом (3 пт) (название файла «(Фамилия автора) для оглавления», например, «Петров_для_оглавления»).

Образец

Гладкая Н. В. Прецедентные высказывания как характерная особенность креолизованных текстов в интернеткоммуникации

Gladkaya N. V. The precedent statements as a main characteristic of creolized texts in internet communication

Студенты, магистранты, аспиранты и соискатели вместе со статьёй подают рецензию научного руководителя.

Авторы научных статей несут персональную ответственность за наличие элементов плагиата в текстах статей, в т. ч. за полноту и достоверность изложенных фактов и положений.

Плата за публикацию статей с авторов не взимается.

Ответственный редактор: Теркулов Вячеслав Исаевич, д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Донецкого государственного университета (e-mail: terkulov@rambler.ru).

Ответственный секретарь: Гладкая Наталия Витальевна, канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка Донецкого государственного университета (e-mail: Nata.gladkaya25@yandex.ru).

Образец оформления статьи

УДК 81'42

М. А. Капиносова © 2024

*Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Донецкий государственный университет»
(Научн. рук. — канд. филол. наук Н. В. Гладкая)*

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ КАК ХАРАКТЕРНАЯ ОСОБЕННОСТЬ КРЕОЛИЗОВАННЫХ ТЕКСТОВ В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

В статье рассматриваются основные функции и наиболее распространенные механизмы создания креолизованного текста в сфере интернет-коммуникации, а также его воздействие на адресата и влияние логоэпистемных единиц прецедентных феноменов на представителей различных лингвокультур. Актуальность темы обусловлена необходимостью создания системы базовых моделей формирования креолизованных текстов для более полного изучения типов связей (автосемантических и синсемантических) между вербальными и невербальными компонентами, что позволит глубже проникнуть в природу комического эффекта и определить степень влияния на реципиентов. В ходе исследования были определены роль и значение визуальной информации в интернет-коммуникации.

Ключевые слова: прецедентное высказывание, интернет-коммуникация, пресуппозиция, фрейм-сценарий, прагматический потенциал

Текст, текст, текст...

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисимова Е. Е. О целостности и связности креолизованного текста. К постановке проблемы / Е. Е. Анисимова // Филологические науки. — М., 1996. — № 5. — С. 74–85.
2.

Поступила в редакцию xx.xx.20xx г.

**THE PRECEDENT STATEMENTS AS A MAIN CHARACTERISTIC OF CREOLIZED TEXTS
IN INTERNET COMMUNICATION**

This article discusses the key features and the most common mechanisms of creating creolized text in the Internet communication, its impact on the recipient and the impact of logoepestems units precedent phenomena on members of a linguistic culture. The topic relevance due to the need to establish a system of basic models of formation creolized texts to better study the types of connections between verbal and nonverbal components that allow a deeper insight into the nature of the comic effect and determine the degree of impact on the recipients. It was identified the role and importance of visual information in the Internet communication.

Key words: *precedent statement, Internet communication, presupposition, frame script, pragmatic potential.*

Капиносова Мария Александровна.
Донецкий государственный университет,
г. Донецк, РФ.
Магистрант.
E-mail: mkapinosova@yandex.com

Kapinosova Maria Alexandrovna.
Donetsk State University, Donetsk, RF.
Undegraduat student.
E-mail: mkapinosova@yandex.com

Гладкая Наталия Витальевна.
Кандидат филологических наук.
Донецкий государственный университет,
г. Донецк, РФ.
Доцент кафедры русского языка.
E-mail: Nata.gladkaya25@yandex.ru

Gladkaya Nataliia Vitaliivna.
Candidate of Philology.
Donetsk State University, Donetsk, RF.
Associate Professor of the Department of Russian
Language.
E-mail: Nata.gladkaya25@yandex.ru

Научное издание

Новые горизонты русистики

Научный журнал

2024. — № 3 (25)

На русском языке

Технические редакторы: В. А. Рязанова, А. С. Бурляй